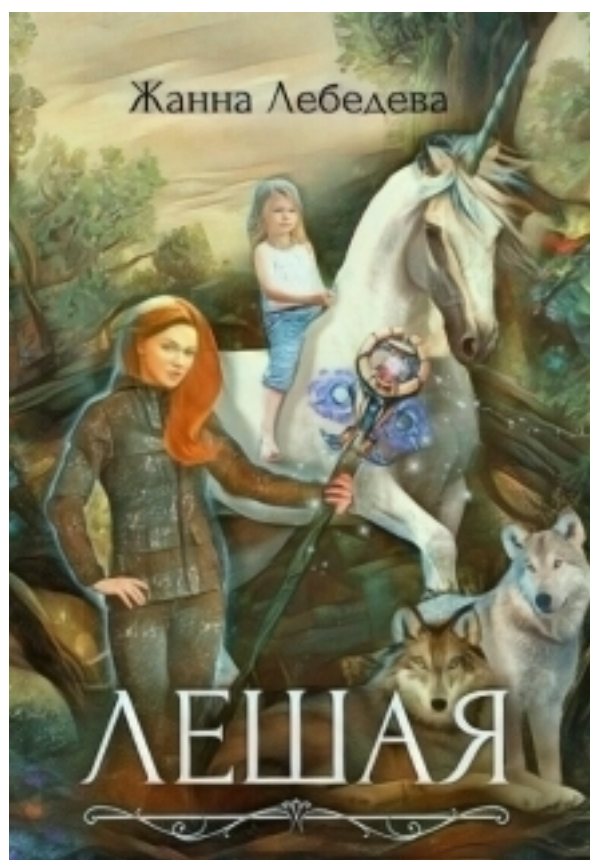

Жанна Лебедева

ЛЕШАЯ

Жанна Лебедева

Лешая

«Литнет»

Лебедева Ж.

Лешая / Ж. Лебедева — «Литнет»,

Поднял руку муж? Хватай ребенка и беги от него сломя голову! Спасаясь от погони, оказалась в странной сторожке посреди леса? Обживайся и радуйся – ты теперь владелица загородной недвижимости. Чужое начальство перепутало со своей сотрудницей? Не спорь - и вот тебе работа мечты вдали от суеты и с хорошим жалованием. Нашла под елкой странного незнакомца? Забери его себе – вдруг он зачарованный принц? А если даже не принц – все равно в хозяйстве пригодится. И главное - ничему не удивляйся и никого не бойся. Ведь ты – лешая. Пусть они сами тебя боятся.

© Лебедева Ж.

© Литнет

Содержание

Глава 1. Побег	5
Глава 2. Очень странное кино	17
Глава 3. Что скрывает лес?	26
Глава 4. Пепелище	34
Глава 5. Все свои	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лешая

Автор: Жанна Лебедева

Глава 1. Побег

– Тише, Санечка, тише... Уходим... Вот так...

Соседка Наина Маратовна ненавязчиво, но крепко ухватила Саньку за рукав и потянула прочь от страшной двери, за которой раздавался подобный львиному рыку храп пьяного в стельку Андрея.

– Я не могу... Я боюсь, – прошептала Санька и тихо ойкнула. Под пальцами, зажимающими подбитый глаз, все оплывало. – Больно... Я не могу сбежать, тетя Наина. Если Андрей найдет меня, представляете, что устроит? А он найдет...

– Не найдет. Твой благоверный еще как минимум час будет дрыхнуть так, что из пушки не разбудишь. Надо уходить, милая. Надо. Настало время. – Соседка вытащила из кармана ключи от машины. – Вот. Возьми и уезжай.

– Но...

– Никаких «но», Санечка. Он ведь это не в первый раз, уж я-то знаю. – Наина Маратовна горестно покачала головой. – Ты же понимаешь, что следующий раз может стать для тебя последним, а у тебя ведь дите малое. Не жди, милая. Не терпи.

Не терпи.

А куда ей деваться?

Санька вытерла грязной от крови ладонью натекающие на подбородок слезы. Всклипнула в голос.

– Как же мне не терпеть, если деться некуда? Отец не примет, скажет как обычно: «У тебя муж есть, к нему и ступай. Побил – это потому что у тебя характер такой нестерпимый. За дело, значит...».

– Да уж, незавидная у тебя судьба, – вздохнула соседка, глядя Саньку по плечу. Снова заладила свое: – Уезжай. Без разницы куда. – Тут глаза женщины радостно блеснули. – А знаешь что? Я придумала. Поезжай-ка ты в деревню мою, в Полянкино. Километров двести отсюда будет. Далековато, зато упырь твой точно не отыщет. Домик там хоть и ветхий, но с печечкой. Людей мало, старухи одни да старики, им помощь всегда нужна – так что от голоду вы там с Альбинкой не помрете, подкормят...

И Санька не стала спорить.

– Поеду, – шепнула тихо.

Она хотела прокрасться в комнату и забрать ноутбук, но передумала. В порыве гнева Андрей стукнул по гаджету кулаком и разбил его. Починить теперь вряд ли получится.

Сбежав по ступенькам в прачечную, Санька сгребла в хлопчатобумажную сумку от доставки суши, брошенную кем-то в коридоре, их с Альбинкой нехитрые пожитки. Полетели на картонное дно детский трикотажный спортивный костюм, джинсовые шортики, пара футболок, дутая жилетка, выцветшее дешевое белье. И ее, Санькин, сарафан, который сшила мачеха.

Машина, старенький камуфляжной масти «уазик» – покойный муж Наины Маратовны был охотником – стоял во дворе общаги.

Санька открыла дверцу, закинула под брезентовую натяжную крышу сумку и белый рюкзачок из искусственной кожи, в котором хранилась буквально вся ее жизнь: паспорт, права, телефон, документы на ребенка, полупустая кредитка. Вчера Андрей просадил с нее почти все деньги – из-за того и поругались. В очередной раз. Санька была очень зла – только покрыла долги, а тут...

С работой Саньке не везло катастрофически. С учебой – тоже. Отец все детство величал ее недотепой и тупицей, причем безграмотной – Санька страдала дисграфией, отчего родной язык ей никак не давался. Неспособной к математике ее объявил, ревнуя к мачехе, сводный брат, а Санька поверила, и вырваться в умницы уже не пыталась. Правда, в средней школе ей нравилась ботаника, и в одной из четвертей у нее даже вышла по этому предмету круглая пятерка...

Как итог – дикая неуверенность в собственных силах, с горем пополам оконченная местная сельхозка, неудачная карьера (работа в паре магазинов без перспектив) и быстрое замужество, в которое Санька по наивности сбежала от строгого отца.

Андрей, один из наемных работников папы, на первый взгляд показался ей мужчиной мечты. Брутальный, грубоватый, косая сажень в плечах, голос как рык льва и ревнивый нрав, когда чуть что: «Ар-р-р, моя девочка! Не трожьте!» – именно в таких персонажей влюблялись без памяти героини любовных романчиков, заполонивших мачехины книжные полки в спальне отцовского дома. Вот и Санька...

... не то чтобы влюбилась. Скорее решила, что ей, веснушчатой и невзрачной коротышке, с таким поклонником повезло просто несказанно. И отец масла в огонь подливал:

– Беги в загс, пока берут. И чего только Андрюха в тебе нашел? Столько красавиц вокруг с ногами от ушей, а он на тебя, пигалицу толстозадую, загляделся.

Так Санька замуж и выскочила.

Сначала вроде все и ничего было. Андрей работал, зарабатывал неплохо. Санька устроилась помощницей в собачий питомник, в удовольствие возилась со щенками, зарплату неплохую имела. Так протянули год. Жили у Андреевых родителей, но с ними было туго – невестку ели поедом, и Санька робко намекнула мужу, что надо бы съехать, она ведь беременна, волноваться нельзя.

Хочется покоя.

Андрей наобещал, что возьмут ипотеку, а сам влез в долги, да еще и с Санькиным отцом умудрился рассориться. В итоге, вместо новой трешки, они переехали в купленную Санькой общежитную комнатку площадью десять квадратных метров.

Туалет и душ на этаже.

Но Санька была и этому несказанно рада. Рождение дочери захватило ее с головой. На прежнюю работу, в питомник, молодую мать не взяли – нашли другого, не обремененного родительством работника. Пришлось снова кочевать по сетевым магазинам.

Санька надеялась, что, став отцом, муж, наконец, остепенится и возьмется за ум, но ничего такого не произошло. Все стало только хуже. Андрей начал пить и поколачивать жену.

Так и жили.

Хотя назвать это существование жизнью у Саньки давно уже не поворачивался язык.

Единственной отдушиной были поездки на дачу к мачехе, тете Ларисе. Та Саньку от себя не гнала, всегда привечала, поддерживала втайне от отца. Дача у тети Ларисы была на озере. А самое главное, там рос сад, в котором Санька готова была копаться часами. Цветы и фруктовые деревья умиротворяли, а осенью мачеха всегда честно делилась с падчерицей урожаем...

«Уазик» громогласно прокашлялся, завелся.

Санька бросила испуганный взгляд на окно и обомлела от страха.

Андрей стоит и смотрит на нее!

Показалось...

Просто темная занавеска надулась от ветра и приняла на миг очертания мужниной фигуры.

Санька выдохнула облегченно и торопливо вывернула руль, выезжая с тесной стоянки, заставленной машинами соседей. Мимо клумбы из покрывшек, в которой между редкими саженцами бархатцев густо взошла мокрица. Мимо скамейки, сооруженной из доски и двух

старых ведер, наполненных цементом. Мимо аляповатой детской площадки с погнутым заборчиком – Андрей как-то по пьяни въехал в него задом своей «Волги».

«Волгу» продали еще в прошлом году, именно поэтому Санька за рулем соседкиного «уазика» чувствовала себя вполне уверенно. Не первый раз одалживала. Наина Маратовна ее даже в страховку вписала...

Дальше – мимо двух молодых вязов на улицу Зинаиды Коноплянниковой. С Коноплянниковой – на проспект, в поток ползущих к центру машин, потом, на большом перекрестке, где постоянно случаются ДТП, – на мост и дальше... Дальше – к окраине города на восток, туда, где в редкие погожие утра, прежде чем отправиться в детский садик, они с Альбинкой наблюдали из окна восходящее над элеватором солнце.

За мостом потянулась бесконечно длинная улица Туполева, упирающаяся в завод ЖБИ. По обеим сторонам дороги высились домики бывшего рабочего поселка, добротные, кирпичные, с претензией на классицизм – треугольные крыши подпирались лопатками, а порой даже и пилястрами. Их красили в белый...

Припарковавшись возле колоннады местного дома культуры, Санька поднялась по ступенькам и вошла в прохладный холл. Альбинка уже ждала ее там, даже сменку передела. Синий мешок с босоножками лежал на соседнем сиденье, рядом с убранный в клетчатый чехольчик скрипачкой.

– Ты рано, мам.

– Ага, – не стала спорить Санька, подхватила скрипку, Альбинку, сменку и быстро зашагала к машине.

Мешок с босоножками на входе уронила – даже не заметила. Хорошо, что вахтерша окликнула и сообщила о потере.

Пока Санька прилаживала к ремню безопасности брезентовый детский удерживатель, Альбинка тараторила без умолку о том, что учительница ее сегодня похвалила за гамму.

– Мам, ты не слушаешь! – выдала недовольно в конце.

– Я слушаю, доченька, – отрешенно пробормотала Санька, соображая, как лучше сообщить ребенку тот факт, что домой они сегодня не поедут.

Альбинка сама догадалась.

– Мам, папа опять дрался, да? – прозвучало неожиданно резко.

Санька попыталась неловко отмазаться от тяжелого разговора:

– Нет, что ты... Все хорошо. С чего ты решила?

– Мам, зачем ты обманываешь? Я же лицо твое вижу.

Точно! Со всей этой суетой Санька совершенно забыла про подбитый глаз. А еще удивлялась, стоя на светофоре, чего это на нее соседние водители так странно косятся?

– Значит, так... – Санька села за руль, пристегнулась, закрыла лицо руками и сидела так несколько секунд, после чего сказала: – Домой мы сейчас, Аль, не поедем.

– А куда поедем? – заинтересованно спросила Альбинка.

Ее большие глаза от любопытства стали совсем круглыми. Паутинистые волоски, выбившиеся из сложной косы, топорщились в стороны, как антеннки.

– В деревню к тете Наине. Ехать придется долго, так что ты...

Дочка даже не дослушала.

– Ух ты! – воскликнула восторженно. – Мам, а там ежики водятся?

– Наверное, водятся, – пожала плечами Санька, возвращая «уазик» в автомобильный поток.

– А ужи?

– Должны...

– А волки? Волки там есть?

– Ну, зачем тебе волки-то, Аль? – устало поинтересовалась Санька.

– Я их приручу, мам. Ты что, не знаешь, что их приручить можно?

– С чего ты решила, что можно?

– На юннатской станции рассказывали...

Улица Туполева уперлась в завод и распалась, как река, на два рукава. «Уазик» свернул вправо, задержался на заправке, после чего продолжил путь на восток. Санька страшно боялась, что денег на бензин не хватит, и терминал выдаст злорадное: «На вашем счету недостаточно средств», но все обошлось. Даже на пятилитровку питьевой воды осталось.

Потянулись вдоль дороги дачные поселки.

Сначала машин встречалось довольно много. Саньку то и дело кто-то обгонял – она плелась на шестидесяти, уж слишком крута и извилиста была дорога. Потом, когда осталось за спиной небольшое курортное озеро, проезжая часть почти полностью опустела.

Дачи кончились. По обеим сторонам раскинулись поля. В открытое окно густо пахло донником. Смеркалось. Свет фар скользил по широким листьям оцетинившегося возле обочин борщевика. Бледный туман собирался в канавах и низинах, вытекал на дорогу светлыми лентами.

Альбинка мирно спала на заднем сиденье. Машину качало на выбоинах, пришлось сбавить ход. Эту дорогу, похоже, давно не ремонтировали.

Тишина и пустота умиротворяли, успокаивали.

Они далеко от Андрея...

Санька не могла забыть его покрасневшие от ярости и алкоголя глаза, когда он замахнулся на нее. И ударил. Она даже не поняла, за что. Хотя когда мужу нужны были для этого причины?

Дорога вильнула и погрузилась в лес. Стало еще темнее. Где-то вдалеке заунывно провыла сирена гаишников. Чего они тут забыли? В этом захолустье? Гонщиков, наверное, ловят. Санька слышала про таких – собираются на пустынных дорогах и гоняют друг с другом на деньги. Не попасться бы им на пути – сметут.

Вдруг впереди, прямо на дороге, задвигалось что-то большое и черное.

От неожиданности Санька резко нажала на тормоз, и машина, взвизгнув, встала как вкопанная.

Фигура на пути двинулась, поплыла к краю асфальта черным облаком на длинных ногах-колоннах. Бесшумно, тихо, плавно. Заметив Санькин взгляд из-за лобового стекла, встала и тоже посмотрела.

– Ма-а-ам, что случилось? Почему мы не едем? – сонно протянула с заднего сиденья проснувшаяся Альбинка.

Резкое торможение разбудило ее. Девочка терла глаза и тревожно вглядывалась в разбитые угловатым светом фар сумерки.

– Тс-с-с, Аль... – Санька прижала палец к губам и приглушила свет. Прошептала дочери: – Смотри. Лось.

– Ух, какой! – восторженно воскликнула та и тут же зажала ладошкой рот, добавив одними губами: – Сними его на телефон, мам.

Лось стоял совсем рядом с машиной, длинноногий, шоколадно-гнедой, с крутой высокой холкой, с косматой бородкой, с новенькими рожками в пушистом бархате, короткими и неострыми. В его темных глазах плясали серебристые искры, отчего казалось, что в глубине черных горизонтальных зрачков притаился целый космос.

Санька послушно потянулась за телефоном, лежащим на соседнем сиденье, но отчего-то так растерялась, что выронила его. Гаджет упал под ноги, куда-то под педали, пришлось лезть за ним...

Когда смартфон наконец нашелся, лось уже простыл и след.

– Ну, ма-а-ам-а-а, – разочарованно хныкнула Альбинка. – Лось ушел.

– Не расстраивайся, встретим другого. Тут везде лес. И везде лоси. Наверное... – неуклюже успокоила дочку Санька. – Нам еще долго ехать. Спи.

Фары зажглись, машина тронулась.

Дорога запетляла сильнее прежнего.

Санька тревожилась – если так пойдет и дальше, до Полянкино они доберутся гораздо позже, чем она рассчитала. Сорок километров в час на спидометре... Этак они еще часа четыре будут плестись. Но быстрее не поедешь, мало ли какие лесные звери выскочат из-за поворота?

Впереди снова провыла сирена ДПС. Уже ближе. Вскоре из сгустившегося тумана вылетел навстречу «уазику» белый «форд» с голубыми полосами на бортах и красно-синей мигалкой.

«Форд» преградил путь – пришлось остановиться.

Санька занервничала. Вроде все в порядке: на месте страховка и документы, и скорость она не превысила, – но что-то тревожило, тяжелым предчувствием оседало в душе.

– Доброй ночи, лейтенант Петренко, предъявите документики, пожалуйста... – В окно сунулось красное щекастое лицо сотрудника ДПС и тут же расплылось в улыбке. – Сашка, ты, что ли? Здорова.

– Привет.

А про себя подумала: «Черт! Только тебя сейчас не хватало». Этот краснолицый Петренко был лучшим другом и частым собутыльником Андрея...

– Ты чего тут среди ночи-то катаешься? – Петренко деловито заглянул в салон. – И дочка с тобой? А машина чья? – Он вдруг резко поменялся в лице, его крошечные глазки стали подозрительными и злыми. – Правда, выходит...

Сашка занервничала еще сильнее, залепетала, сбиваясь:

– Машину одолжила. Я поеду, ладно? Мне надо... Мы торопимся... Нас ждут.

Петренко глянул еще суровее:

– Э-э-э нет, подруга, не выйдет. Мне Андрюха пять минут назад звонил и жаловался, что ты от него к любовнику решила сбежать... Я думал, по синьке он, а, выходит, правда... Так что ты, это, давай-ка разворачивайся и поезжай домой, к мужу родному... А то – ишь! Давай-давай... Я, того, прослежу...

Санька похолодела от ужаса. Перед мысленным взором всплыло перекошенное лицо супруга и его занесенный кулак.

Нет!

Ни за что она к нему не вернется!

И Санька запаниковала. Газанула с места. Влет, как заправская гонщица, переключила передачи. Петренко еле успел отскочить – «уазик» чуть не проехался по его ботинкам. Пара ловких прокрутов руля, и «форд» ДПС остался позади. Раздались и остались за спиной довольные окрики. Взыла сирена, но Санька уже все для себя решила.

Она не сдастся и не вернется назад.

– Мама, гони! Мы с тобою, как в фильме про погоню! – радостно завопила молчавшая до этого момента Альбинка.

– Держись, доченька, сейчас поедem быстро, – сквозь зубы ответила Санька, вперившись немигающим взглядом в пробитую желтым светом фар тьму.

Дорога вильнула раз, другой, третий, и погоня отстала. Но вот лес резко кончился, потянулась за окнами то ли болотина, то ли поле. В зеркале заднего вида быстро возникла красно-синяя слепящая мигалка и стала стремительно нагонять.

Санька закусила губу, судорожно соображая, что делать.

Справа округлились клубы густого ракитника, мелькнули между ними две землистые колеи. «На асфальте они меня точно нагонят, а вот по кривой проселке охотничий «уазик» ловчее их иномарки пройдет», – сообразила Санька и решительно свернула за кусты. Машину

задергало, затрясло – дорога оказалась совсем негодной, исполосованной ямами, заваленной камнями, перечеркнутой венами неизвестно откуда взявшихся древесных корней.

Прутья захлестали по камуфляжным бортам «уазика», словно подгоняя – быстрее! Санька мертвой хваткой вцепилась в руль, чтобы не выбило при тряске. Пролетела, ничего толком не соображая, еще пару десятков метров под горку – дорога спускалась куда-то вниз – остановилась, выключила фары и заглушила мотор.

Повернулась к Альбинке:

– Ты в порядке?

– Мама, класс! Ты как в «Хот Вилс», – веселилась дочка.

– Тише, – приструнила ее Санька. – Посиди молча, а я погляжу, отстали или нет.

– Мама крутая. Мама-шпионка, – прошептала, улыбаясь, Альбинка, и Санька тоже улыбнулась.

Первый раз за этот отвратительный день.

Похоже, что Петренко действительно отстал: то ли не заметил поворот на проселку, то ли решил не лезть туда на новеньком казенном «форде». Звук сирены отдалялся. Мигалки не было видно из-за густого подлеска.

Санька огляделась. С двух сторон от дороги, на которой они стояли, росли молодые осинки и березки. Их стройные стволы окружала серебристая мягкая трава, топорщились из нее остренькие пушистые колоски. Один лишь старый пенёк, весь серый, узловатый и перекошенный, выделялся из общего юного растительного буйства.

Санька еще раз прислушалась. Сирена прозвучала совсем далеко и замолкла окончательно. Туман серебрился почти у самых ног. С запада надвигалась гроза.

Санька задумчиво посмотрела в сторону шоссе. Интересно, куда поехал Петренко? Хорошо бы в город. Иначе до Полянкино им не добраться. Она оглядела две тонюсенькие колеи и устало вздохнула. Эх, да тут сначала развернуться бы. Проселка такая узкая, стиснутая с двух сторон кочками и канавками. Станешь крутиться – засядешь крепко, тогда вообще, как в капкане...

Придется проехать еще вперед и подыскать подходящее место для разворота.

Вернувшись в машину, Санька пристегнулась и заблокировала дверь по старой привычке. Один раз у нее еще из Андреевой «Волги» утащили на заправке кошелек...

Стало тихо-тихо, от этого Альбинкин изумленный шепоток прозвучал над ухом просто оглушительно:

– Мама, ты его видела?

– Кого? – не поняла Санька, оборачиваясь к дочери.

Та, замороженная чем-то, указала пальцем за окно.

Санька взглянула в прогал между березками.

Серого пня под ними больше не было.

– Аль, а кто там был-то?

Санька проверила центральный замок – закрыто. В душе возникло странное, неопределенное чувство, будто все происходящее в какой-то пропущенный ею по невнимательности момент обернулось из яви сном.

Протерла ладонями глаза. Может, показался ей этот пенёк? Может, не было его вовсе? А Альбинка просто шутит? Фантазирует от усталости и скуки?

Хотя какая уж тут скука...

В ответ прозвучало:

– Зверь какой-то.

Зверь. От этого Саньке сразу стало спокойнее. Ну конечно! Мало ли какие в лесу лисы-барсуки бегают? Хотя размер у «пня» был явно не лисий. Но и не медвежий.

Собака еще, быть может, бродячая...

– Какой зверь? Расскажи конкретно? – стала допытываться она у дочки.

Альбинка виновато развела руками:

– Не знаю. Не разглядела. Вроде уши у него были...

– Уши, Аль, у всех есть, – отметила Санька.

– А вот и не у всех, – стала спорить Альбинка. – У рыбы нет.

– Есть. Внутри головы. Снаружи не видно...

Санька еще раз внимательно оглядела седую траву под вуалью тумана. Луна взошла и теперь светила бледно сквозь облачную вату. Пролегли от березок и осин акварельные тени.

«Уазик» завелся и пополз вглубь молодого леса. Все дальше и дальше от странной полянки. Санька посмотрела в боковое зеркало и обмерла. Пень торчал позади, чуть правее от прежнего места, в тени. Он казался еще более узловатым и бесформенным, чем при первом появлении, и где там Альбинка разглядела уши? На зверя точно не похоже.

Стоило Саньке подумать так, как у верхушки серого пня зажглись два ярких желтых огонька.

И погасли.

Машина нырнула в темень сгустившейся зелени.

Альбинка припала к стеклу и воскликнула удивленно:

– Что это, мама? Что это так странно светится?

– Гнилушки. – Санька бросила за окно быстрый взгляд. – Ночью в лесу много всего светится: гниющие бревна, старые кости, светляки.

– Глаза-а, – таинственно протянула Альбинка.

– И глаза. Должные же ночные звери как-то видеть в темноте? – отозвалась Санька.

Снова заглянула в зеркало.

Лес за «уазиком» плотно сомкнулся. Под колесами зачавкало – здесь так и не высохли лужи от позавчерашнего дождя. Мрак сгустился. Туман отступил. Вентилятор тянул в салон прохладный аромат мокрого леса.

Новый дождь нагнал их на выезде из чащобы. Легко забарабанил по брезентовой крыше.

И дорога вдруг кончилась. Уперлась в обрыв высокого берега. Небольшая поляна, заросшая травой, раскинулась в свете луны. Санька решила, что тут можно будет развернуться, после чего возвратиться на дорогу и уж как-то доехать до Полянкино. Она принялась аккуратно выкручивать руль, вымеряя траекторию разворота на тесном травяном пятчке, сдала назад, потом пустила «уазик» немного вперед. После снова назад, и опять вперед.

Вдруг машина крякнула двигателем и заглохла.

«Только этого не хватало», – мысленно возмутилась Санька, но вслух своего недовольства не выказала, чтобы не тревожить Альбинку. Пусть думает, что у мамы все под контролем. Так будет легче им обоим.

Ключ провернулся в замке зажигания, утешающе взревел мотор.

– Ну все, можно ехать, – радостно сообщила Санька, но, выдавив педаль газа, поняла, что машина крепко засела в раскатанной во время поворота колее.

– Ма-а-ам, я устала, – заявила с заднего сиденья Альбинка. – Спать хочется.

– Вот и поспи. Держи, накройся.

Санька достала из сумки с вещами жилетку и накинула на дочку.

– Есть хочется...

– Потерпи немножко, Аль. Нам сперва надо на дорогу вернуться, а там на ближайшей заправке что-нибудь купим. Посиди тихонько, я выйду наружу, посмотрю, что с машиной.

Ругая себя за то, что впопыхах не купила на предыдущей заправке совсем никакой еды, – путь-то длинный впереди, – Санька вылезла из машины, опасливо огляделась по сторонам, прислушалась. Тихо. Лишь стучит по речной глади внизу под береговой кручей слабый дождь.

«Уазик» засел намертво. Санька попробовала толкнуть, но он даже не пошатнулся. Из-под железного брюха торчала заляпанная блестящей грязью трава. Колесо, угодившее в выбоину, ушло вниз по самое крыло.

Не вытащить.

Дождь сменился моросью.

Санька обогнула машину, дошла до края обрыва. Река под ним мчалась, вся в белых барашках. Интересно, что за река? Для Волги слишком маленькая, для Орши – большая. Хотя мало ли их тут, рек? Волга, Тверца, Тьмака, Орша – это те, что на слуху, а ведь есть еще Соминка, Медведица, Ведемья... Интересно, Ведемья – это от ведьм?

По краю кручи вела тонюсенькая, едва заметная тропиночка.

Санька прошла по ней с десятков шагов и воспрянула духом – далеко впереди мелькнул свет. Где-то за сгущающимся в непроглядный мрак рябинником, пробитым, словно пиками, парой островерхих худых елей, светился фонарь.

Вроде бы...

Ей показалось, или в сизое небо сквозь морось пробиваются блеклыми пятнами печной дым?

– Ма-а-ам...

Альбинка отстегнулась без разрешения, выбралась из машины, подошла и встала рядом.

– Ты зачем вышла? – возмутилась Санька.

– В туалет хочется.

– Давай побыстрее.

Саньке не нравилось происходящее: застрявшая машина, дождь, лес, гроза. Неведомый полужверь-полупень, бродящий где-то поблизости. Ночь. Молния – мечта Теслы – раскроившая небо над рекой каскадом идеальных зигзагов. Успокаивала лишь мысль о том, что где-то поблизости есть жильё: деревня или дачи. А, возможно, какое-нибудь лесничество или охотничье хозяйство. Хорошо бы у них нашелся трактор...

Раскатился над темными деревьями гром.

– Ай! – Альбинка натянула штаны и закрыла ладошками уши. – Какая грозища громкая!

– Иди в машину. Промокла вся, – распорядилась Санька.

Дочка озадаченно указала на «уазик».

– Мам, а там этот...

Санька посмотрела. Серый пенёк поднимался над лоснящейся в лунном свете травой возле капота автомобиля. Еще более бесформенный, чем прежде, он виделся нечетко, будто размылся враз загустевшим туманом.

– Ну и пусть там стоит, а мы пойдем. Все равно машина застряла...

Не передать словами, каких титанических усилий стоило Саньке произнести эту фразу веселым непринужденным тоном. На самом-то деле хотелось завопить, как сирена, и рвануть сломя голову, не разбирая дороги, подальше от этой непонятной серой штуки. Вот только паника и страх – непозволительная роскошь, когда ты мать, и рядом с тобой шестилетний ребенок.

Санька легонько подтолкнула Альбинку в спину, вынуждая идти по тропе в сторону все еще горящего за деревьями света.

– Давай, Аль. Вперед по дорожке топай. Видишь, впереди фонарик светится?

Очень хотелось верить, что это не ошибка, не случайность и не мираж. Чтобы там действительно нашлись люди. Чтобы странный сон наяву снова обернулся привычной реальностью...

Подобрав попавшую под ноги сухую ветку – так себе защита, но лучше, чем ничего – Санька обернулась. Пень вновь переместился, теперь ближе к открытой задней двери, которую

не захлопнула, выбираясь наружу, дочка. Верхняя часть его вытянулась остро, просунулась в салон.

Альбинка тоже посмотрела назад, забеспокоилась:

– Чего он там делает, мам? Вдруг наши вещи заберет?

– Не заберет, – тихо ответила Санька, искренне радуясь, что странному пню больше приглянулась машина, чем они с дочкой. – Ну, а если и заберет, то ничего страшного. У нас там особых ценностей нет.

«Кроме документов в рюкзаке, – подумала она про себя, – но и они – дело восстановимое».

Альбинка не унималась:

– А если скрипку мою стащит? Она ценная! Она Марь-Константинина.

Тут не поспоришь. Инструмент для подготовительных занятий музыкой – Санька планировала в следующем году отдать дочку в музыкальную школу на бюджет – они арендовали у преподавательницы Марии Константиновны. Новая скрипка стоила дорого, доход не позволял спускать деньги в неизвестность. Музыкальная школа – дело такое. Пристроишь туда ребенка, а он не потянет. Бывает и так. Что потом с купленным инструментом делать? Перепродавать? Тоже морока. Одна Санькина знакомая пропихнула в музыкалку своего сына, решив, что ему светит карьера пианиста. Купила на заказ роскошный инструмент. Ребенок позанимался полгода и встал в позу – больше ни за что и никогда. Так дорогущее пианино в доме той знакомой и стоит. В Новый год на него ставят салатницы с оливье, в день рождения – вазу с розами. Полгостиной занимает...

Альбинку нужно было успокоить:

– Не заберет, – мягко произнесла Санька, напустив в голос бодрой уверенности. – Зачем ему твоя скрипка? У него и рук-то нету.

А сама подумала: «Вроде этот пень за нами не идет. И хорошо. Может, теперь отвяжется?»

Тропинка нырнула вглубь рябинника. Стало совсем темно, лишь где-то впереди назревало, даря надежду, теплое желтое свечение.

– Мама, опять огоньки! – Альбинка восхищенно тыкала пальцем по сторонам. – Какие яркие!

– Светляки... – в очередной раз повторила Санька. – Гнилухи...

Но дочка ее не слушала:

– Смотри, как бегают!

Санька присмотрелась. Огоньки, которые она сперва приняла за россыпь притаившихся в траве ночных насекомых, выстроились рядом и потекли вдоль тропы извилистой вереницей.

– Пусть бегают...

Что тут еще скажешь? Санька ощутила абсолютную беспомощность, и соль этой беспомощности крылась в полном непонимании того, что происходит. Какие-то таинственные блуждающие пни и огни, странная дорога, невнятный и все-таки такой обнадеживающий свет впереди...

Она устала. Сил, чтобы пугаться и нервничать, просто не осталось.

«Если бы нас хотели обидеть, давно бы уже обидели», – успокоила себя Санька и, подхватив ладошку Альбинки, пошла вперед с удвоенной скоростью.

Вскоре лес расступился. Взору открылась темная поляна, посреди которой стол небольшой домишко, собранный из круглых, грубо обтесанных бревен. В щелях между венцами торчал серебристый мох. Крыша поросла травой. Сама постройка выглядела совсем небольшой, в длину метров шесть, в ширину примерно три. Размер средней строительной бытовки. Правда, к переднему фасаду, там, где вход, крепилась массивная бревенчатая терраса почти с сам домик

размером. С потолочной балки свисала на ржавой цепочке круглая стеклянная лампа, внутри которой клубился светящийся газ.

Лампа качалась от ветра. Маслянистый кружок ее света монотонно таскался по деревянному полу террасы туда-сюда, туда-сюда.

– Здравствуйте! – громко поздоровалась Санька, решив, что вваливаться без предупреждения в чужое жилье так сразу не стоит. – Добрый вечер. Есть тут кто-нибудь?

Ответом послужила тишина.

Неожиданный порыв ветра ударил в спину, подтолкнул вперед.

– Холодно стало. Я замерзла, – пожаловалась Альбинка, кутаясь в дутую жилетку. – Давай в домик зайдем?

– Зайдем, доченька, – согласилась Санька, поднялась на террасу, пересекла ее, постучала в дверь. – Здравствуйте, можно к вам зайти?

Ответа не последовало.

Тогда Санька отворила дверь – оказалось не заперто – прошла внутрь, в темноту. Альбинка шмыгнула следом.

– Как тепло, – сообщила блаженствующим тоном.

Санька хотела ответить дочери что-то ободряющее, но тут отчетливо услышала шаги. Снаружи кто-то поднялся по ступням и прошел тяжелой походкой по скрипучему полу террасы.

Прямо к двери.

И шаги эти были не человечески. Чередующееся перестукивание – от каждого шага будто эхо. Не на двух ногах идет. И костяное поклацывание о доски – так передвигаются те, у кого на ногах есть когти...

Санька закусила губу, чтобы не вскрикнуть, быстро закрыла дверь. Того, кто стоял за ней, она в деталях разглядеть не успела. Разве что мельком: большой, серый, неопределенной формы.

И два глаза-огонька горят...

Возле ручки нашла щеколду, которую Санька немедленно задвинула.

Хорошо, что Альбинка не придавала загадочным шагам значения, даже не обратила на них внимания от усталости. Вообще не расслышала, наверное...

Мрак стал полупрозрачным.

В крошечном помещении имела пара окон. Света внутрь проникало мало, но его хватило, чтобы разглядеть очертания скромной обстановки. Кровать, полки на стенах, рабочий секретер, несколько стульев, кресло-качалка, стол. В центре помещения – маленькая печка, все еще рождающая тепло. Не так давно, похоже, топили. Труба уходит через низкий потолок, поднимается над крышей...

Точно топили!

Санька вспомнила, что с полянки видела дым.

Значит, хозяева где-то недалеко. Скоро вернутся. Домик явно жилой, теплый, пахнущий пряными травами и свежеспеченным хлебом.

И немного – сосновой смолой.

А за дверью, интересно, кто?

В ответ снова цокнули по доскам когти, потом кто-то грузно лег, заставив доски в очередной раз протяжно скрипнуть. Этот кто-то вздохнул устало и привалился снаружи к двери.

До Саньки дошла неприятная мысль – теперь они с Альбинкой в западне. Наружу не выйти. С другой стороны, они ведь выходить и не торопятся...

– Мам, давай тут останемся, – попросила Альбинка замученным голосом и зевнула.

– Останемся, доченька. Ложись. Тебе надо поспать.

Санька присела на кровать, откинула покрывало. Оно оказалось шерстяным. Крупная вязка в несколько нитей. Косица, пущенная по краю, отчетливо проступила под пальцами.

Дочка послушно улеглась, положила голову на Санькины колени. Спросила:

– Мам, а ты чего дрожишь?

– Я не дрожу, – попыталась отмазаться Санька (что было неправдой, ее уже несколько минут как легонько колотил нервный озноб).

– Дрожишь. Я головой чувствую, как у тебя ноги дрожат.

– Это от усталости.

Про усталость она не соврала. Тяжелый выдался денек, и вечер оказался тревожным, не говоря уж о грядущей ночи. Веки слипались, голова клонилась к подушке.

Санька легла, обняла Альбинку и, уткнувшись дочери в волосы носом, накинула на них обеих вязаное покрывало.

В печке пронзительно щелкнул запоздалый уголек. За окном чирикнула ночная пичуга. Ухнула сова. Прокричал ей в ответ из чащи какой-то зверь.

– Расскажи сказку, – сонным голосом потребовала Альбинка.

– Спи так.

– Сказку!

Санька вздохнула и заплетающимся языком принялась вещать первое, что пришло на ум:

– Жила-была одна принцесса...

Ее тут же перебили:

– А мама у принцессы была?

– Была... Королева... Жили-были принцесса и королева в большом замке, в плену у дракона.

– Дракон хороший. Он не стал бы брать принцессу и ее маму в плен, – заспорила дочь.

– Ладно, – сдалась Санька. – Пусть будет вместо дракона волк.

– Волк тоже хороший!

– Тогда я не знаю кто. – Санька начала сердиться.

Ей хотелось в тот миг, чтобы все звуки исчезли – только так она сейчас сможет заснуть. Поспать надо им обоим, но у Альбинки сон как рукой сняло. Пока сказку не расскажешь, не утомонится теперь...

– Мам, пусть их не зверь в плен взял. Пусть человек.

– Пусть, – Санька уже забыла нехитрый сюжет, который планировала поведать, поэтому сразу перешла к концу истории: – Принцесса с королевой сбежали в волшебный лес, жили там долго и счастливо, и никто их больше в плен не брал. Все. Конец. Спи.

– Ма-а-ам, — снова подала голос Альбинка. – А человек, который взял принцессу с королевой в плен, он как папа?

Наивный детский вопрос царапнул душу. Санька зажмурилась, сдерживая подступившие к глазам слезы. Попыталась перевести тему:

– Это просто сказка, Аль. Там все ненастоящие.

– Но мы-то настоящие. – Альбинка мотнула головой и задела Санькин подбитый глаз. Больно. – И волшебный лес настоящий.

– Он не волшебный. Самый обычный лес, – не согласилась Санька. – Ночью в лесу многое кажется странным. Всякое видится, мерещится. А утром – глядь, и ничего особенного.

– Нет. Наш лес точно волшебный. – Альбинка зевнула в полудреме. Повторила, засыпая: – Волше-е-ебный...

Санька тоже закрыла глаза и моментально отрубилась.

Она проспала как убитая пару-тройку часов и проснулась от странного свиста. Снаружи звучали о воздух чьи-то крылья. Донесся тяжелый удар о крышу. На нее опустилась какая-то птица. Потом еще одна.

Санька глянула в окно. За ним серебрился рассвет. Судя по тому, что солнце еще из-за горизонта не проклюнулось, время было очень раннее. Часа четыре утра.

Санька бесшумно поднялась с кровати, подошла к окошку и посмотрела. Туманный лесной пейзаж перечеркивал частокол высоченных сосен. В районе сторожки лиственный лес успел смениться хвойным.

Каким-то образом почувствовав ее движение, птицы сорвались с крыши и полетели прочь. Их удалось увидеть лишь мельком – два огромных темных «веера» маневрировали на лету, огибая торчащие на пути деревья.

Что за птицы? Уж слишком здоровенные! Тетерева? Глухари? Хищники вроде ястреба или филина?

Снова стало по-предрассветному тихо. Санька прислушалась к звукам за дверью. Ничего не слышно. И непонятно, есть там кто живой, на терраске, или уже нет? Пришлось вслушиваться, затаив дыхание.

Санька даже зажмурилась, будто это могло помочь ушам обрести особую чувствительность.

Неожиданно издалека прилетел звук рога.

И стук копыт приближающихся лошадей.

Глава 2. Очень странное кино

Странные звуки приближались. Кони стучали копытами где-то совсем неподалеку. Весело залаяла собака. Донесся гомон голосов.

Санька припала ухом к дверному полотну. Интересно, тот, кто запер их в доме, все еще рядом? Вслушалась в звуки на терраске. Никаких признаков чужого присутствия там не обнаружилось.

Осторожно отодвинув щеколду, Санька приоткрыла дверь – сделала малюсенькую щелочку. В комнату тут же протек бледный свет.

Дверь открывалась свободно. Ночной непонятно кто ушел. Приближающаяся кавалькада его спугнула.

Кстати, о кавалькаде. Кто они, люди, едущие к лесному домику? В любом случае, лучше уж общаться с людьми, чем с таинственными бродячими пнями и зверьем непонятной породы.

Люди на лошадях – егеря? Туристы? Деревенские жители? Или тут поблизости работает конный прокат?

Санька приоткрыла дверь чуть шире. Стала видна поляна, окруженная колоннадой корабельных сосен, за которым тонули в подлеске еще несколько едва различимых бревенчатых построек. Из-за них на площадку перед домиком один за другим начали выезжать всадники. Выглядели они очень странно и, надо признаться, красиво. Старинные одежды в шитье и узорах. Длинные плащи. Сбруя лошадей как отдельный вид искусства. Выбежали, виляя хвостами и приняхиваясь, три охотничьи собаки: дымчато-голубая легавая и пара борзых в золотистых шерстяных завитках.

Санька сначала удивилась, а потом поняла – это же актеры! Тут, похоже, снимают какой-то исторический фильм. Хотя, судя по необычности нарядов, это, скорее, не история даже, а фэнтези.

Сказка.

На душе сразу полегчало.

Актеры.

У них тут поблизости должен быть целый городок: трейлеры, фургоны, коневозы, мощные машины, таскающие все это дело. А для того, чтобы сдернуть застрявший «уазик», хватит и большого джипа с полным приводом.

Наверняка не откажут в помощи, если вежливо попросить.

Похоже, съемка в разгаре. Актеры отыгрывают свои роли – у них тут какая-то важная сцена.

Решив не мешать процессу, Санька притворила дверь, снова оставив едва заметную щелку, и стала с интересом наблюдать через нее за происходящим.

Первым заговорил внушительного вида мужчина с длинными, как у эльфа, волосами и аристократической осанкой. Его речь полилась, словно поток водопада, резко, раскатисто, властно. Сразу видно – «большой начальник». У Саньки тоже раньше были такие властные начальники, только выглядели они обычно не как прекрасные эльфы.

А как не самые симпатичные орки.

– Яра! – пророкотал важный незнакомец. – Что у тебя тут творится? Где ответственный леший? Почему не встречает?

Тут же подле мужчины возникла яркая глазастая брюнетка на вороной лошади под алой попоной. Склонив голову и прижав ладонь к груди, дама виновато потупила взгляд.

Произнесла зычным голосом:

– Не волнуйтесь, господин министр, у меня тут все под контролем. Леший... то есть лешая, Листвяна ее зовут, удалилась по делам. Я уверена, что причина ее отсутствия...

– Меня не волнуют причины ее отсутствия, когда причина присутствия столь веская. – Мужчина высокомерно указал на себя любимого. – Почему я должен ждать, пока какая-то там лешая, низшая нечисть, соизволит явиться пред мои очи? Быть может, эта лентяйка еще спит?

– Ну что-о-о вы, – заискивающе протянула брюнетка. – Да как мо-о-ожно!

Левый глаз ее, как заметила Санька, чуть заметно дернулся. В голове поплыли восторженные мысли: «Боже мой! Как же хорошо играют! Такие типажи и интрига. Костюмы – просто шик! А уж лошади...». Санька с детства обожала лошадей и мечтала однажды завести свою собственную. В свое время она облазила все сайты конезаводов и конезаводчиков. Представляла, как однажды приведет под уздцы могучего черного фриза или стройного и изящного, как статуэтка, арабского скакуна. В свой дом. Но ни дома, ни средств для воплощения этой мечты, к сожалению, не имелось...

«Лошади просто волшебные! – продолжила размышлять про себя Санька. – Дорогое, наверное, кино планируется. А, может, целый сериал. Нужно будет выяснить название и поглядеть, когда снимут. Актеры, похоже, играют знаменитые».

Она взгляделась в красивые лица брюнетки и министра. Знакомыми они не показались. Должно быть, грим всему виной...

– Иди в дом, Яра, проверь, – грозно приказал заносчивый мужчина. – И если этой твоей лешей там не будет, лишу месячного жалования и ее, и тебя!

– Да-да, конечно, – залезбила черноволосая Яра, лихо спрыгнула с лошади и (о, ужас!) быстрым шагом направилась к домику.

Санька испуганно прянула от двери вглубь помещения, к кровати, на которой беззаботно спала Альбинка. Разбуженная чужими голосами, девочка начала просыпаться, залепетала спросонья:

– Мама, кто там пришел?

– Тс-с-с. – Санька подскочила к дочери, быстро обняла ее и прижала палец к губам. – Мы играем в прятки. Посидим тихонько, Аль. Ладно?

– Ладно...

Тут же с крыльца донесся недовольный шепот:

– Листвяна, ты зачем меня так подставляешь? Ты тут вообще? Что все это значит?

Дверь открылась. Брюнетка влетела в комнату и застыла. Ее лицо, перекошенное от гнева, при виде Саньки с Альбинкой плавно перетекло в гримасу полного недоумения. – Ты кто? Что тут забыла? Еще и с ребенком? А Листвяна где? – прошипела она ошарашено.

– И-извините, – заикаясь от волнения, пробормотала Санька. Перед напористыми незнакомыми людьми она всегда поначалу робела и не могла нормально связать двух слов. – П-простите. Мы с дочерью тут случайно оказались... Заблудились... И застряли...

– Значит, так. – Брюнетка сверкнула черными ведьмовскими глазами. – Ты идешь со мной, – приказала Саньке. – А ты сидишь тише воды ниже травы. И ни звука, – бросила Альбинке.

Та радостно кивнула, с восторгом разглядывая чудной костюм требовательной незнакомки: длинное черное платье, обшитое алой тесьмой, полосатые чулки и полусапожки с вздернутыми носами и широкими короткими голенищами. За спиной – шелковый плащ с алым подбоем.

– Куда идти? – растерялась Санька. – Я ведь не...

Она хотела сказать: «Не актриса».

– Знаю, что не лешая, не Листвяна, но наш хмырь-министр про это не в курсе. Выручи меня, я в долгу не останусь.

Санька обреченно кивнула:

– Что мне нужно делать?

– Ничего. – Яра сняла с сучка, что торчал в стене, служа вешалкой, буро-зеленый плащ (Санька даже не знала, что он там висел, такой неприметный), протянула. – На, накинь. И молчи. Просто стой – глаза в землю. Я сама все скажу. Попрошу согласиться – поддакни.

Что у Альбинки, что у Саньки имелась особенная черта – при сильном удивлении делать глаза абсолютно круглыми.

Помнится, как во время Санькиных еще детских лет, после раздачи школьных фотографий над Санькой хохотал и издевался весь класс. А ведь она просто удивилась: фотограф отфотогал учеников на общие виньетки, а потом его помощник принес ручных обезьяну и сову для индивидуальных снимков по желанию... В общем, на фотографии у Саньки и у совы выражения физиономий получились одинаковые – не отличишь!

Вот и теперь Санька, закутанная в непонятный плащ, пахнувший сухими листьями, стояла перед чужим страшным начальником (Аж целым министром!) и тарасилась на него, округлив глаза, наверное, до возможного предела. В голове противоборствовали две панические мысли: «Что тут происходит?» и «Отпустите меня, пожалуйста, обратно».

Куда «обратно», не уточнялось.

Видок у Саньки в тот момент был не самый презентабельный: волосы растрепаны, под глазом фингал – не внешность, а пародия на взъерошенную сову...

... но надменный министр, кажется, остался доволен увиденным.

По крайней мере, никаких подозрений сиюминутная подмена Листвяны у него не вызвала.

Он, правда, поморщился и, указав на травмированный Санькин глаз, произнес брезгливо:

– Что с ней произошло-то? Синяк на лице... Это что же, травма на рабочем месте?

– Сущий пустяк, – нервно заулыбалась Яра. – Тут же лес. Коряги. Камни. Споткнуться можно, упасть. Все такое...

– Пусть она сама ответит, – поджал тонкие губы министр. – Эй, лешая! Что с тобой случилось?

Санька занервничала. Что делать? Яра велела молчать, а тут говорить что-то надо? Взгляд заметался по двору и наткнулся на рассыпанные дрова, рядом с которыми валялся в траве топор-колун на длинной ручке.

– П-полено... отлетело... – пробормотала, наконец, искренне надеясь, что на этом вопросы закончатся.

– А-а-а, – с легкой издевкой протянул мужчина. – Ну что ж, бывает. Что за недотепа у тебя в подчинении? – обратился уже к Яре.

«Недотепа».

Так Саньку частенько обзывал отец. За то, что разбила тарелку, когда одна намывала посуду после какого-то грандиозного застолья, на котором ей даже местечка за столом не нашлось. За ошибки в диктанте, который написала на трояк и радовалась этому трояку, как подарку. За каждую самую маленькую провинность и неудачу...

Санька всегда робела перед незнакомцами. В первые минуты. Но бывало, что потом она резко воодушевлялась и начинала отстаивать свои границы с обреченным отчаянием готового на все камикадзе.

– И вовсе я не «недотепа», – подала она голос, и голову подняла, встречаясь с министром взглядом. – Просто у меня должность опасная. В дикой природе, между прочим, живу и работаю...

– Ладно. Понятно все, – отмахнулся холеной рукой недовольный начальник. – Вот только цену себе не нужно набивать. Жалованье все равно не повысят.

Удивительно, но Санькино нескладное выступление произвело неплохой эффект. Министр решил завершить беседу и удалиться. Он с напускной измученностью потер рукой

висок, прикрыл глаза с видом «как меня все это достало» и, кивнув черноволосой, мол, разбейся дальше сама, развернул свою лошадь.

Поехал прочь.

Бросил напоследок через плечо:

– А вообще, конечно, безобразие у вас тут творится. Так Его Величеству и передам.

Остальные всадники послушно направились за ним.

Когда зад последней лошади исчез за деревьями, Яра восторженно затрясла Санькину руку.

– Ну, актриса! Ты его напугать умудрилась. Он решил, что ты сейчас за травму свою денег у него просить начнешь. Вот умора! – Она расхохоталась от души. – Ну, все. Я теперь точно твоя должница. Что я могу сделать для тебя, подставная Листвяна?

– Для начала расскажи, что тут вообще у вас происходит? – потребовала Санька. – И еще, меня зовут Саня. Или Саша. Или Александра Залесская. Александра Александровна...

– Ух, сколько имен у тебя, – подивилась Яра. – Ты знатная, что ли? – И сама представилась: – Я – Яра Грюн. Ответственная ведьма. – Она ткнула пальцем в направлении уехавшего конного отряда. – А тот заносчивый хмырь – министр лесных угодий Его и Ее Величеств. С проверкой, чтоб его, приехал. Не любит он наш лес. Все надеется, что продадут его соседней стране... Но это тебе не важно знать.

– Почему же не важно? Очень важно, – теряясь в догадках, произнесла Санька.

В голове кипело варево из всевозможных мыслей, домыслов и предположений. Что происходит? Какие, к черту, министры, ведьмы и короли? Ясно, что тут не кино, но что тогда? Шоу-розыгрыш? Игры отмороженных на всю голову ролевигов, окончательно спутавших вымысел с реальностью?

И одна, самая простая и обескураживающая идея: «Этот мир – другой мир!» Санька усиленно гнала ее прочь – чушь! Не бывает такого... Но мысль упорно возвращалась и, набирая мощь, постепенно вытесняла все остальные.

Другой мир!

Другой.

И что делать?

– Слушай, Саня, – отвлекла от размышлений Яра. – Мне нужно срочно Листвяну найти. Ты не видела ее? Не знаешь, случаем, куда она делась?

– Мы ночью пришли, – стала вспоминать Санька, – и никого уже в доме не встретили. Но ощущение было такое, что только-только хозяйка его покинула.

– Странно все это. – Яра нахмурила угольные брови. – Листвяна знала, что будет проверка. Она бы меня подставлять перед министром не стала. Похоже, с ней этой ночью что-то случилось.

– Надеюсь, она в порядке, – дежурно выдала Санька.

Теперь до нее окончательно дошло – все не сон, не кино и не розыгрыш. Случилось нечто невероятное и, возможно, непоправимое. То, о чем она не могла предположить даже в самых смелых своих мыслях...

– Может, ты что-то слышала или видела? – настойчиво поинтересовалась Яра. – Крики? Шум? Призывы о помощи?

– Ничего такого, – развела руками Санька.

– Я поищу Листвяну, а вы тут пока подождите. Это дочка твоя, да?

Ведьма указала на дверь домика, из-за которой уже высунула свой любопытный нос Альбинка. Все ее внимание было поглощено Яриной черной лошадью, привязанной к рябиновому кусту.

– Мама... Лошадь! – произнесла она так, будто увидела лучшее, что могло встретиться в ее жизни. – Какая красивая.

– Хочешь прокатиться? – как ни в чем не бывало улыбнулась девочке ведьма.

– Конечно!

Альбинка, зачарованная происходящим, пересекла терраску, по вырубленным из половинок бревен ступенькам сошла на полянку и робко встала в паре метров от вороной животины.

Переспросила, не веря своим ушам:

– Правда, можно?

– Можно, – беззаботно улыбнулась Яра. – Отвязывай повод, садись в седло и правь на дорогу. Там – галопом. Увидишь Головешку в деле. Только не нагоняй министра с его свитой – это нам ни к чему.

– Прямо сама? – округлила глаза Альбинка. – Прямо галопом?

– А в чем проблема?

Яра смерила девочку удивленным взглядом, та виновато потупилась:

– Я не умею ездить на лошади сама. Я каталась только на пони возле сада, но ее там девочки взрослые водили...

– Не умеет? – Яра вопросительно посмотрела на Саньку. – В ее-то возрасте?

– Так получилось, – раздался туманный ответ.

– Бывает. – Яра быстрым шагом пересекла полянку, отвязала лошадь от куста, привела Саньке. – Покатай ребенка, раз ей хочется. И оставайтесь в доме столько, сколько нужно. Я пойду на поиски Листвяны. Когда вернусь, расскажете мне, почему вы такие странные и как вас сюда занесло. И если Листвяна вдруг объявится в мое отсутствие, передайте, что ответственная ведьма ее ищет. Сердится.

Ведьма развернулась, взмахнула алым плащом и исчезла за дальними соснами.

Удостоверившись, что новая знакомая ушла, Санька одной рукой подхватила под уздцы лошадь, второй сграбастала Альбинкину ладошку.

– Пошли, – сказала твердо.

– Мама, я не хочу уходить отсюда, – неожиданно уперлась дочка. – Здесь же лошадка, и красивая тетя-ведьма, и лес с волшебством. Настоящая сказка!

– Это другой мир, Аль. – Санька попыталась воззвать к благоразумию. – Он может быть опасным. Мы здесь чужие. Совершенно чужие. У меня тут ни денег, ни работы.

– У тебя и дома нет ни денег, ни работы...

Санька недовольно куснула верхнюю губу. Неприятная правда кольнула сердце обидой. Не зря говорят, что устами младенца истина глаголет... И все же она не пошла на попятную. Сказки ведь бывают очень страшными и непредсказуемыми. В особенности, если ты в них никто.

– Все. Хватит спорить. Идем.

И Санька зашагала прочь от сторожки, по пути, что вел к застрявшему «узику». Она рассчитывала, что Ярин могучий скакун, который при ближайшем рассмотрении оказался кобылой, сможет сдернуть машину с места, а дальше...

Дальше они все сделают, как задумали. Доедут по Полянкино и заживут там... Ну и ладно, что не особо припеваючи. Здесь, что ли, лучше жить?

В этом чуждом, пугающем и таком притягательном мире?

Санька поймала себя на мысли, что на самом деле, как и дочка, не прочь остаться тут, в лесу. В это новой, случайной и в то же время многообещающей жизни...

«Узик» преданно ждал на том месте, где его вчера оставили. Трава качалась вокруг него, как волны зеленого моря. Высоко над головой плыл по лазурному небосводу крестообразный силуэт далекой птицы.

– Мама! Ну давай останемся, – продолжала спорить Альбинка. – Я не хочу в свой мир. Не хочу ехать в Полянкино. И домой возвращаться тоже не хочу, там папа снова будет пить и драться...

Эта фраза на секунду отключила Саньку. Будто кто-то щелкнул тумблером – и все. Стоп-кадр. Тишина. Санька застыла, сжимая в руках аварийный трос, который только что выковыряла из багажника. Она планировала привязать к этому тросу лошадь, чтобы та потянула...

Чтобы потом сесть в «уазик» и уехать прочь от лесной сторожки, странных людей и пней...

– Эй! – окликнули из-за спины. – Что тут такое у вас происходит? Что это у тебя за штуковина такая?

Санька обернулась и встретила взглядом с Ярой. Та стояла чуть поодаль, вся бледная и совершенно обалдевшая.

Ведьма указывала пальцем на машину.

– Мы на этом приехали, – залепетала Санька. – И сейчас уедем... Прямо сейчас... Только лошадью, с твоего позволения, воспользуемся...

Яра настороженно приблизилась. Тронула пальцем камуфляжное автомобильное крыло. Взгляд ее резко проявился – вот оно, озарение!

– Я поняла, кто ты, – произнесла она с видом ученой, сделавшей открытие мирового значения. – Ты – ходунья!

– Кто? – не поняла Санька.

Пояснение последовало незамедлительно:

– Ходуны и ходуны приходят из других миров. – И тут же образовался важный вопрос: – Так откуда ты пришла? Вы пришли...

– Оттуда. – Санька указала в направлении, куда еще вчера вела проселка.

Указала и обомлела: никакой проселки за застрявшим «уазиком» теперь не виднелось. Там, где прошлым вечером рассекали разнотравье две черных земляных колеи, теперь густо стояла привычная луговая поросль: овсяница, ежа, тимopheевка, райграсс...

Путь, по которому они с Альбинкой заявили в мир с удивительным лесом, исчез, будто его никогда прежде не было.

Санька вздрогнула всем телом, ахнула и выронила под ноги трос. Прижала ладони к груди. Дожили! Ведь она о таком только в книжках читала. И не так уж часто – фэнтези ей не особо нравилось, предпочитала «реализм».

И что же, она теперь «попаданка»? «Ходунья», как Яра выразилась?

Что-то не похоже. В книжках попаданки обычно обретают новые красивые тела, знатное происхождение, крутую магию и армию поклонников в придачу. А она что? Санька разочарованно оглядела себя. Как была невзрачной пигалицей, так и осталась. Не воительница. Не прекрасная девственница. Не волшебница. Не принцесса.

Усталая, напуганная, уже не юная и не свежая, слегка располневшая после родов, неуверенная в себе, давно забившая на собственную внешность, заморенная неудачным браком тетка с малолетним ребенком на руках...

Какие тут шансы на новую лучшую жизнь?

– Ура! Мы не едем в Полянкино! – радостно крикнула Альбинка, подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши. – Мы остаемся в волшебном лесу!

– Боюсь, что она права, – подтвердила Яра, глядя на Саньку с сочувствием. – Вы не первые ходуны в этом мире. И не последние. К тому же... – Она умолкла на пару секунд, раздумывая, стоит ли озвучивать последующие слова, но все же решила сообщить нечто важное: – К тому же, когда я училась, нам рассказывали, что если ходуны понимают наш язык и приходят в своем теле, значит, в них течет магическая кровь.

– Чего? – Санька не поверила своим ушам. – Магическая кровь? Во мне? Откуда?

– Не знаю, – пожала плечами Яра. – Тебе виднее, откуда. – Она подошла к Саньке вплотную, ободряюще положила ей на плечо руку. – Да не расстраивайся ты так. Не так уж и страшен наш мир. Мы тут работаем, общаемся, учимся, дружим, воюем, торгуем, строим... У вас разве не так?

Пришлось согласиться:

– Так.

– Ну вот. – Яра обвела рукой лес. – А у меня к тебе есть деловое предложение. Оставайся с дочкой здесь, в Листвянином домике, пока я ее ищу. На замену, так сказать. Побудешь местной лешей. На королевском жаловании, между прочим. Соглашайся.

– Соглашайся, мама! – с горящими от восторга глазами потребовала Альбинка.

Санька посмотрела на радостную дочку, на довольную, уверенную в собственной убедительности Яру.

Кивнула:

– Ладно.

Вскоре из машины были вынуты их с Альбинкой нехитрые пожитки и погружены на лошадь. Кроме Санькиной сумки с вещами и рюкзака с документами в «уазике» обнаружили вещи прежнего хозяина: пара удочек, походный топорик, автомобильная аптечка, камуфляжный костюм рыболова-охотника, пара фонарей и старый котелок.

Яра рассовала найденное в седельные сумки. Скомандовала Альбинке:

– Ну, теперь ты. – Подставила сцепленные «ступенькой» ладони и легко закинула девочку в седло. – Сейчас прокатишься на лошадке. Держись за седло. Поехали.

Лошадь, животное умное и понимающее, медленно и осторожно пошла за хозяйкой.

Альбинка взвизгнула от восторга. Глядя на дочку, такую счастливую и довольную, Санька подумала, что не так уж все и плохо. Есть дом и работа. А Андрея нет. И не будет здесь: не придется больше вскакивать среди ночи, встречая его пьяного в надежде, что муж заснет быстрее, чем успеет к чему-нибудь придраться и устроить скандал. И все это даже похоже на ту самую пресловутую «стабильность», о которой Санька несбыточно мечтала в своем мире.

Может, оно и к лучшему?

А быт... Быт наладится.

Яра провела Головешку большим кругом по краю поляны, прежде чем Альбинка согласилась спешиться.

Санька втащила в домик вещи, села на кровать. Ведьма вошла следом, присела рядом:

– Обживайся тут, в общем. Знакомься с хозяйством.

– А лес? – спросила Санька.

– Что лес?

– Что мне с ним делать? С лесом? Я ведь лешая теперь.

– Что делать... – Яра задумчиво огляделась по сторонам. – Следить. Оберегать. Тут написано должно быть... У Листвяны... – Ведьма по-хозяйски залезла в секретер, порылась там, вынула какие-то толстые книги, тетрадь с записями. – Вот. Это рабочий журнал с записями. Почитай там... – На Санькины колени опустился толстый талмуд с разлохмаченными краями. – А вот bestiary, смотри. В нем переписаны все твари, что водятся в этом лесу: их повадки, вкусовые пристрастия, уровень опасности, как вести себя с ними...

– Что за уровень опасности? – уточнила на всякий случай Санька.

– Пусть тебя это не тревожит. Лешую ни один зверь в лесу не обидит. Даже самый злой.

– И медведь?

– И медведь. Никто не тронет. Дочку тоже. Пока вы в лесу – вы в полной безопасности. Всегда помни об этом. Ты здесь главная теперь. Вот, кстати, травник, он про растения... Разберешься, в общем. И магия у тебя, похоже, подходящая.

– Магия? – Санька оглядела себя, силясь понять, в каком месте у нее кроется эта самая магия. – Что-то как-то я никакой магии не чувствую.

– Это потому что ты ей никогда не пользовалась. Постепенно проявится, – произнесла Яра в полной уверенности. – Главное, не бойся и не волнуйся. Помни, у нас с тобой все под контролем. Кстати, сейчас я тебя покину, а завтра вернусь. И принесу артефакт для связи – сможешь связываться со мной, если понадобится помощь. – Она помрачнела едва заметно. – У Листвяны был такой. Исчез вместе с ней... Так, продолжим. – Еще одна книга плюхнулась на Санькины коленки. – А вот тут сборник карт. Изучи, чтобы не заблудиться. Хотя, если заблудишься – тоже не страшно. Заблудни тебя куда надо выведут.

– Кто? – переспросила Санька.

– Заблудни. Существа такие. Они обычно дороги путают, с пути сбивают, в чащу заводят. Для простых людей могут быть опасными, но для тебя в лесу никто не опасен. Все лесные создания в твоём распоряжении.

Санька вспомнила прошлый вечер и догадалась:

– А эти заблудни, как выглядят? Они случайно не похожи на серые пеньки?

– На пеньки, на кочки, на коряги, – принялась разяснять Яра. – Вообще, они смирные, но иногда безобразничают. У Листвяны тут есть несколько прикормленных. Они домик оберегают от лишних глаз, чтобы никто чужой случайным образом не забрел.

– Хм-м, я вот забрела, – хмыкнула Санька.

Ведьма нахмурилась:

– Да. И это странно. Ох, Листвяна-Листвяна... Что же с тобой случилось?

Перед тем, как оставить Саньку с дочерью одних, Яра еще раз пообещала вернуться завтра, а также посоветовала на всякий случай не отходить далеко от дома. Сказала также, что еду можно взять в летней кухне, а чистую воду – в колодце.

После ее отъезда Санька ощутила себя одновременно уставшей и голодной. Уставшей, потому что невероятно перенервничала, а голодной, потому что у них с Альбинкой со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Спать легли на пустой желудок, так же, с пустыми желудками, и проснулись...

– Ма-а-ам, есть охота, – раздался своевременный возглас дочки.

– Сейчас что-нибудь найдем, – пообещала Санька, огляделась по сторонам. В нескольких метрах от домика пряталась за молодыми елочками невзрачная постройка. Закопченная местами крыша, три бревенчатых стены, Тяжелый серо-зеленый полог вместо двери.

Санька отодвинула в сторону истрепанную непогодой ткань. Ее встретило чье-то недовольное пыхтение. Большой еж протопал на выход и скрылся под ближайшим кустом.

Странная постройка оказалась той самой кухней, про которую говорила Яра. И еж успел там прилично набедокурить. Он перевернул ведро с мусором, разнес по земляному полу очистки и яичную скорлупу.

– Вот хулиган! – бросила ему вслед Санька, получив в ответ недовольное фырканье.

Кухонька оказалась совсем небольшой, посреди нее возвышалась железная печь с варочной панелью на три кастрюли. Труба уходила под потолок и поднималась над крышей, похожая на черный гриб. На стенах висели грубо сколоченные полочки, декорированные полированными ветками и корягами. Столом служил большой пень-чурбак, стульями – чурбачки поменьше. Стол стоял по левую сторону от входа. По правую находилась медная мойка с умывальником и большая деревянная бочка с водой. Ближе ко входу – еще один хозяйственный стол, под которым ютились кастрюли, ведра и прочая утварь.

Санька осмотрела все – жить можно. Сунула нос в одну из кастрюль, стоящих на печи. Пшеничная каша! Еще теплая.

Возле входа нашелся веник с жесткими прутьями и деревянный совок, с помощью которого Санька собрала разбросанный ежиком мусор обратно в ведро.

Позвала дочку:

– Альбин, иди скорее сюда!

– Не могу, мам. Тут курочки, – донеслось в ответ.

Курытник, собранный также из бревен, отыскался рядом с кухней. Куры бродили вокруг него. Они походили на диких: головы и шеи рыжие, тело бурое в синеву, хвост с прозеленью и маленький, едва заметный гребешок на макушке.

Пока мама шла из кухни, Альбинка успела отворить дверцу и пробраться внутрь курятника. Санька тоже заглянула – с одной стороны насесты, с другой расставлены корзинки с гнездами для несушек. Стоит на полу длинная деревянная кормушка, выдолбленная из половины ствола небольшого дерева. Рядом плетеная поилка. Санька сразу поняла – это из корней. Подобные изделия она видела в областном музее карельской культуры, куда они с Альбинкой не так давно ходили. Корни разбухают и не пропускают воду...

– Мам, смотри, что я нашла! – Альбинка гордо протянула добычу, два коричневых яйца.

– А там – каша, – кивнула в сторону кухни Санька. – Пойдем поедим. Ты, наверное, очень голодная.

– Не-а, – бодро соврала Альбинка, но урчащий живот ее выдал.

Стол из пенька произвел на девочку огромное впечатление. Она несколько раз обошла вокруг него. Посидела на каждом из стульев, выбрала лучший.

– Можно я тут буду сидеть?

– Можно, доченька.

Санька достала с ближайшей полки две глиняных тарелки и деревянные ложки. Наложив каши, после чего задумалась: «Альбина несладкую даже с большой голодухи есть не захочет». К счастью, на полках отыскались горшочки с вареньем.

– Мам, там какая-то крышка на полу. – Альбинка указала в дальний темный угол.

Санька посмотрела. Действительно, крышка, круглая, металлическая, с узорами. Сверху кольцо. Если за него потянуть, открывается неглубокая яма, обложенная камнями. Камни эти просто ужас какие холодные! Даже иней на них проступает. Ясно для чего – вон, продукты лежат. Мясо, бадейка молока (интересно знать, чье оно), рыба, несколько яиц в берестяном лотке, крынка с маслом.

Вот такой вот лесной холодильник.

А со светом тут как? Ночи в лесу темные. Санька, конечно, принесла из машины фонарики, но они ведь на батарейках. Насколько их хватит? Она подняла голову. В центре потолка висел знакомый уже по терраске мутный шарик с туманным газом внутри.

– И как тебя включить? – Санька поднялась на цыпочки, но в силу невысокого роста так и не смогла дотянуться до загадочной лампы. Пришлось подставить стул-чурбачок. Одно прикосновение – и свет зажегся. Второе – погас.

– Здорово, – хлопнула в ладоши Альбинка. – Волшебная лампочка. Я тоже хочу ее зажечь.

– Вечером зажжешь, – пообещала Санька.

Она слезла на пол и шагнула к выходу, чтобы пошире откинуть полог. Из-за елки навстречу двинулась серая тень, большая и на первый взгляд бесформенная.

Явился старый знакомый – бродячий пень.

Глава 3. Что скрывает лес?

Теперь это был не совсем пенёк.

Это было явно что-то живое...

Кто-то живой!

Горели в темных впадинах глазниц ягоды-глаза. Щерилась в улыбке зубастая расщепина – пасть. Торчали уши – то ли сучки, то ли листья. Хвост, как еловая ветвь, мел землю.

Какое-то время существо формировалось из пня в животное, кривилось, корежилось, пока, наконец, не обрело знакомую форму.

– Да ты на волка, что ли, похож? – изумилась Санька.

Вчерашняя оторопь перед непонятным полупнем-полузверем, крадущимся в сумерках по их с Альбинкой следам, прошла. «Они смирные», – говорила про заблудней Яра, и ей отчего-то верилось.

Волк сел на полянке, склонил набок серую голову, посмотрел внимательно, без злобы.

– Мама, волк! – восторженно крикнула Альбинка. – Я же говорила тебе, что их приручать можно.

– погоди ты приручать, – приструнила ее Санька, внимательно разглядывая странного зверя. – Он, похоже, уже до нас тут прирученный. – Она вспомнила события прошлой ночи, нахмутив брови, строго поинтересовалась у животного:

– И зачем, скажи на милость, ты нас завел сюда вчера? Еще и в домике запер. Я слышала, как ты на крыльцо взошел и к двери привалился, чтобы мы не сбежали.

Зверь-пенёк чуть заметно вильнул пушистым хвостом, словно извиняясь за причиненные неудобства. Потом кивнул головой и попятился.

Снова кивнул и опять попятился.

– Мама, он нас за собой зовет. Пойдем? – догадалась Альбинка.

– Я одна схожу, а ты тут посиди, подожди, – распорядилась Санька, но, подумав, решила не оставлять не в меру любопытную дочку одну. – Ладно, пойдем. Только, чур, слушаться, не шуметь и не сбежать.

– Обещаю.

Заметив, что за ним следуют, волк-пенёк радостно подскочил на месте и отбежал к терраске, после чего, распластавшись на земле, заполз под нее, повозился там некоторое время и выбрался, сжимая в зубах какую-то длинную палку, увенчанную странным навершием. Кольцо из золотистого материала, похожего чем-то на медь, замыкало в себе красный тусклый камень. Под кольцом кудрявились завитки узора, выполненного из совершенно иного, еще более непонятного голубого металла.

Волк положил палку к Санькиным ногам.

Да это же посох!

Санька осторожно взяла его. Довольно увесистый. И, самое удивительное, – стоило только прикоснуться, как камень в навершии начал едва заметно светиться.

Заблудень в очередной раз вильнул хвостом. Теперь удовлетворенно. После этого снова кивнул лобастой башкой и незаметно исчез, стоило Саньке на секунду отвлечься.

– Ух ты, мама, как здорово, – восторженно выдохнула Альбинка. – Как думаешь, эта штука волшебная?

– Скорее всего, – не стала спорить Санька.

– И как с ее помощью колдовать?

– Не знаю пока. Завтра у Яры спросим.

– Скорее бы уж завтра, – мечтательно протянула дочка. – Наколдуем чего-нибудь. Как думаешь, можно будет конфет наколдовать и альбом с фломастерами, а то рисовать хочется.

– Думаю, доченька, это так не работает, – помотала головой Санька. – Знаешь, я даже не уверена, что в этом мире существуют фломастеры.

– Но конфеты-то должны быть? – возразила Альбинка.

– Должны, – согласилась Санька. – Но думаю, что с ними проще, и наколдovывать их не обязательно. Наверняка можно просто купить.

– Когда?

– Когда мне жалование за работу дадут. Зарплату.

Альбинка сложила все в голове:

– Ясно. Тогда будем ждать, когда дадут.

– Я буду не просто ждать, а работать, – уточнила Санька.

И тут назрел новый вопрос:

– Мам, а как в лесу работают?

– Следят. Оберегают, – повторила Санька наставления Яры.

Дочка не унималась:

– А как следят? Вот мы сейчас на ту елку глядим, это мы следим или не следим?

– Следим, наверное. – Санька и сама уже задумалась над этим. Помнится, ведьма посоветовала заглянуть в какие-то Листвянины записи. В «журнал». – Но мы это обязательно уточним. Почитаем, что там предыдущая лешая в специальном журнале записывала. Только для начала давай до конца осмотрим территорию вокруг домика? Поищем, есть ли тут баня или душ...

– ... и туалет, – радостно добавила Альбинка.

– И туалет, – согласилась Санька.

Туалет нашелся первым.

Сколоченный из тонких бревнышек, он до боли напоминал ту нехитрую постройку, что часто встречается в нашем мире вдали от цивилизации и центральной канализации. Не удивил, в общем.

А вот помывочное помещение оказалось поистине интересным.

Санька едва заметила его в отдалении, рядом с небольшим скальным подъемом. Вернее, не заметила, а услышала, как журчит, сбегая по камням, вода. «Ванная», так Санька назвала это странное сооружение, имела три хлипких стенки и крышу. И дверцу, за которой, если заглянуть внутрь, пряталась окруженная круглыми камнями яма с водой. Эту воду обеспечивал стекающий по четвертой, «скальной», стенке ручеек-водопадик. Он питал яму-купель, которая, переполнялась, отправляла излишки воды по тонкому желобку куда-то в мох.

– Буду тут сегодня купаться, – в предвкушении хлопнула в ладоши Альбинка.

– Я тоже не откажусь, – поделила ее планы Санька.

Тронула воду – надо же, теплая. Аккуратно лизнула палец – и солоноватая. Минеральная, наверное. Хотя по вкусу чем-то напоминает кровь.

И все же есть в этой воде что-то манящее, притягательное.

Саньке черпнула полные пригоршни из купели, плеснула на лицо. Сразу взбодрилась, будто чашку хорошего кофе осушила.

– Пошли дальше смотреть, – окликнула Альбинка. – Тут дрова лежат, а тут сарайчик, а тут даже несколько грядок есть, как у бабы Ларисы на даче.

– Грядки – это хорошо, – отозвалась Санька, затворила дверь «ванной», подхватила посох и пошла на дочкин голос.

Альбинка уже исследовала огород и переместилась куда-то дальше.

– ... а тут озеро. Ура! Можно плавать! И мосток есть. Ай, тут ужи.

Санька поспешила на голос. Озеро, плавание, ужи. Альбинку иногда нельзя оставить буквально ни на минуту. А вдруг там не ужи? Другие змеи?

– Аль, иди-ка сюда. Не отбегай от меня далеко, пожалуйста.

Дочка тут же появилась. Довольная, в предвкушении приключений. Резко остановившись перед Санькой, она вдруг изумленно округлила глаза:

– Ма-а-ам? А с лицом твоим что случилось?

– А что с ним? – Санька испуганно приложила ладони к щекам.

– Твой синяк почти пропал.

– Правда?

– Ага. Вода, наверное, волшебная, – буднично сообщила Альбинка, маня за собой. – Ну, пошли! Пошли скорее озеро смотреть. Такое красивое!

Дочка не обманула. За песчаной горкой, поросшей юными сосенками, лежало маленькое озеро. На темной глади качалась лодочка, привязанная к торчащей из воды коряге.

Озеро выглядело совсем небольшим. Дальний берег частично скрывали ивы, за ними острыми пиками стояли на страже ели, за которыми виднелось что-то округлое и неясное.

– Сплываем туда? – с надеждой спросила девочка.

В тот момент Санька не была готова отправиться и посмотреть. Она крепко сжала в руке посох, врученный ей заблуднем. Сказала Альбинке:

– Не сейчас. Идем-ка домой.

– Почему домой? Тут же интересно?

– Интересно и неизвестно. Надо сначала заглянуть в Листвянины записи, выяснить, куда можно ходить, куда нельзя. Про зверье местное почитать, мало ли кто тут водится? – принялась разяснять Санька.

На моменте про зверей Альбинка, наконец, согласилась, что вернуться домой – не такая уж и скучная идея.

– Можно я сама прочитаю тебе про зверей?

– Можно, доченька.

Санька сжала свободной от посоха рукой теплую детскую ладошку и отвела дочку обратно, к жилой полянке.

В домике царила прохлада. Печь, наконец, остыла, и Санька задумалась о том, что неплохо было бы ее снова немного растопить.

Хотя лучше это сделать ближе к ночи, сейчас еще тепло.

Она открыла секретер, взяла с внутренней полки лохматый Листвянин журнал, распахнула последнюю страницу. На пожелтелой, разбухшей от сырости бумаге вились синие записи. Почерк оказался вполне разборчивым, понятным. Санька в очередной раз подивилась тому, что она не просто понимает язык, но и может читать на нем.

Писать, наверное, тоже получится – надо будет проверить.

Санька наивно надеялась вычитать в журнале четкие инструкции и рекомендации, как жить в лесу, написанное более всего напоминало обрывки размышлений из личного дневника вперемешку с непонятными «садово-огородными» советами: «Ложку живой воды на ведро. Полив. Бурка теперь приходит в десять. Саженцам дозреть неделю, потом в землю. Блуждающие огоньки – суп из рыбьих костей. Обпилить после урагана...».

Обнаружить в невнятном потоке фраз однозначный смысл сходу не вышло, но последний абзац насторожил.

«Мандрагоры кричат у западной границы. Быть тише. У Д.Ж. появился второй лист. Надежда еще теплится. Зола удобрила почву, ждать осталось немного. Я смогу все испра...», – дальше послание обрывалось.

Интересно, почему?

– Мам, кто такой ин-дрик? – оторвала от размышлений Альбинка.

– Какой еще индрик? – не сразу врубилась Санька, потом перевела взгляд на книгу, лежащую у дочки на коленях.

«Бестиарий», – так назвала ее Яра. Книга явно старинная. Очень старая! Страницы сомкнуты двумя тяжелыми переплетными крышками. Каждая из почти сантиметровой в толщину доски и обита кожей. По коже золотое тиснение. На развороте, который открыла Альбинка, широченные узорчатые поля...

Санька вспомнила, что в музее, куда они ходили с подругой Верой на выставку первопечатных книг, им рассказывали, зачем древним книгам надобились настолько широкие поля. В далекие времена, когда часты были пожары, а книги были редки и не всякому доступны, эти широкие поля и толстые переплетные крышки с надежными замочками-запорами спасали их от огня. Книгу запирали – стискивали плотно-преплотно страницы. Так, что воздух не попадал между ними, и жадное пламя глодало лишь внешние края. Потом, когда книгу отыскивали на пепелище, обгорелые части страниц обрезали по краю, удаляя часть узорчатых полей, а не сам текст. Все переплетали заново...

И в этом мире, похоже, действовали так же.

– Вот он, индрик. – Альбинка ткнула пальцем в картинку с существом фантастическим, но хотя бы знакомым. – На единорога похож.

– Точно, похож, – согласилась Санька, прочитала: – «разновидность единорога» там внизу подписано. Неужели тут и единороги водятся... – протянула с сомнением.

– Ой! А эта... Смотри какая страшная.

Дочка опасливо ткнула пальцем в изображение необычной птицы с человеческой головой.

Точно такую же птицу Санька видела в альбоме с репродукциями картин Васнецова. Коллекционное издание, дорогие и глянцевого, было у нее любимым среди всех подобных книг в библиотеке мачехи. Полотно с сирином и алконостом, таинственными дево-птицами райского сада, всегда бросалось в глаза.

Судя по мрачному лицу и пестрым перьям в темной гамме – тут тоже сирин.

Санька пробежалась взглядом по строчкам с витиеватой буквицей в первом абзаце. Если верить тексту, сирин – птица нелюдимая, коварная и опасная. Пения ее ни в коем случае слушать нельзя. Голосом она усыпляет, но поет крайне редко – за жизнь пару раз. Санька оглядела суровое красивое лицо, холодные глаза, могучие лапы с крючьями когтей. Одно слово – хищник. И хищник страшный!

На следующей странице обнаружился алконост.

Выглядел он еще внушительнее, чем сирин. Тело этой птицы было довольно длинным, перья – светлыми, с цветастой канвой по краям крыльев и хвоста. Были у нее еще плечи и руки, так что всех конечностей получалось шесть.

Санька внимательно оглядела алконоста, перевернула обратно на сирин.

Эти темные перья она уже видела здесь.

Рано утром большая птица садилась на крышу домика, стучала когтями. Потом птицы, коих оказалось более одной, улетели в лес. Санька даже поежилась. Неужели такие, как в книге? Хотя буро-пестрое оперение ведь у многих в лесу...

Быстро пролистав бестиарий сначала в одну, потом в другую сторону, Санька решила, что непременно изучит всех странных тварей, описанных в нем: их повадки, размеры, образ жизни и вкусовые пристрастия.

Удивительных созданий в книге оказалось довольно много. Знакомые по сказкам русалки, кикиморы, блуждающие огни, а вдобавок к ним незнакомые прежде анчутки, ауки, бирюки, гилистери, всякие прочие, которых сразу и не запомнишь. Попался даже некий коркодел, поразительно похожий на старого знакомого крокодила, только, по всей видимости, пресноводный.

Альбинка пришла от бестиария в неописуемый восторг. Санька пообещала, что будет читать его ей перед сном, раз так понравилось. Также она решила подробно и с начала изучить

личные записи предыдущей лешей. Быть может, что-то станет яснее, если начать читать с первых строк, а не с последних?

Но это чуть позже. Сейчас нужно дообследовать Листвянины жилые уголья, чем они с Альбинкой и занялись.

Поиски не прошли даром. Неподалеку обнаружился амбар с запасами провизии. Поначалу, правда, увидев огромный амбарный замок, встроенный в дверное полотно, Санька решила, что ей ни в жизнь не отпереть его.

– Мама, ну волшебный посох же есть, – посоветовала Альбинка.

– Будто я знаю, что с ним делать? – отозвалась Санька.

– А ты попробуй!

– Так что пробовать-то?

Санька красноречиво постучала наверху посоха по запятнанному ржавчиной металлу.

К их общему удивлению, внутри замка что-то щелкнуло, крикнуло, хрустнуло, после чего тяжеленная дверь медленно отворилась, приглашая заглянуть внутрь. От порога вниз вели прорезанные в почве ступени. Уровень пола был ниже уровня земли, отчего в помещении царил приятная прохлада. Пол был устлан плоскими кусками белого известняка.

По правую руку вдоль бревенчатой мощной стены тянулись сусеки. Санька приподнимала по очереди тяжелые крышки, совала нос внутрь. В одном зерно и в другом зерно, в третьем соль...

По левую руку бочки стоят. Одна с медом, вторая с огурцами, третья – м-м-м – с Санькиными любимыми солеными грибами. Сушеные грибы под потолком развешаны гирляндами. С прошлого года еще, наверное, не съедены. В третьей бочке засахаренные ягоды. Еще две бочки пустые.

От вида запасенной Листвяной еды на душе сразу стало теплее, спокойнее.

– Ма-а-ам, что это за штука? – спросила Альбинка, указав пальцем на бочку на подпорках.

Бочка стояла боком. Из доньшка ее торчала ручка. По центру наверху было прорезано отверстие с дверцей на медных петельках. Санька открыла ее, заглянула: внутри бочки лопасти – ручка их вращает.

Сразу пришла догадка:

– Думаю, что это маслобойка.

– Ух ты, давай в ней масло взбивать, – моментально предложила Альбинка.

Пришлось ее расстроить.

– У нас нет столько молока. Ладно, пойдем. Я там еще одну постройку видела.

В десятке шагов от амбара, в молодом раkitнике, нашелся хозяйственный сарай с инструментами и пристроенным сбоку большим дровенником. Санька вспомнила, что топор-колун видела возле дома, поэтому, захватив с собой два небольших отпила, решила пока закончить экскурсию по лешачьим владениям и подумать про обед.

Они с дочкой вернулись в кухню, и тут же возник вопрос: как зажечь огонь? Ничего похожего на спички или зажигалку поблизости не обнаружилось.

Вспомнив Альбинкин совет насчет замка, Санька попробовала использовать посох и тут. Получилось. Мелькнула в печном жерле яркая искорка, погасла. Прогоревшие угли заниматься не желали. Пришлось сходить и набрать тоненьких сухих веточек для растопки. Благо в лесу таких в изобилии.

Наконец огонь заплясал в печи. Потек наружу из трубы густой дым. Тесное пространство кухни сразу наполнилось жаром.

– Я разогрею остатки каши и яиц сварю, – предложила Санька, – а ты пока погуляй где-нибудь тут. На терраске посиди, там тенек.

– Скучно без игрушек, – сникла Альбинка.

Вспомнила, наверное, своих плюшевых зверей и новый конструктор, из которого можно построить хоть кофейню на пляже, хоть космодром. Его мачеха на днях принесла...

Санька вздохнула. Тут игрушек, пожалуй, в радиусе мили не сыщешь.

– Сделай игрушки сама, Аль, – предложила без особой надежды. – Из шишек вон, из мха, из коры.

– Из коры попробую, – воодушевилась девочка, – а из шишек еще в саду надоело. Ой, вон красивое перышко лежит. Я из него тоже...

С этими словами дочь, полная новых креативных идей, вылетела из кухни пулей и принялась деловито собирать что-то под своими ногами.

Санька с облегчением взялась за готовку. Яйца, каша, зелень. Нашлось на полках немного сухарей...

Вдруг она услышала, что Альбинка с кем-то оживленно беседует. Сначала решила, что сама с собой: сделала из подручных материалов фигурки и теперь озвучивает сценку с ними. Но – нет! Отчетливо, хоть и тихо, снаружи прозвучал еще один голос.

– Аль? – Санька вышла из кухни и направилась к терраске. – Аль? У тебя там все хорошо? Ты с кем там разговариваешь?

Дочь уже спешила навстречу. Одна. Довольная.

– Ма-а-ам! Смотри! – Раскрыла ладонь и сунула Саньке под нос голубой сверкающий камушек, размером с перепелиное яйцо.

– С кем ты разговаривала? – взволнованно огляделась по сторонам Санька.

– С ним. – Альбинка махнула рукой в сторону дома. – Ой, ушел.

– Кто он такой? – допытывалась Санька, нервничая все сильнее. Что за люди тут ходят и с ребенком без ее ведома разговаривают? Посыпались необходимые вопросы: – Чего хотел? Почему ты без меня с чужими говорила?

Альбинка насупилась.

– Ты сама сказала «погуляй». А мне же скучно. Поэтому я из коряжки сделала лося, а из шишек – цыпленка. Как настоящего, с перышком на хвосте. Он тут пришел. Ему очень мой цыпленок понравился. Он сказал: «Давай меняться», и я поменяла поделку на этот красивый камешек.

– Сколько раз я тебе говорила, у незнакомых людей никакие подарки не брать.

– Это не подарок. Это поменяшка, – стояла на своем Альбинка. – К тому же и он не человек. Он маленький. Вот такой. – Дочка приложила ладонь к коленке ребром, демонстрируя рост своего таинственного собеседника. – Маленький. Носик утиный. Головка лысенькая, аж блестит. Как покемон. Он в книжке был, той, что с красивыми зверями.

Санька широким шагом дошла до терраски, еще раз все пристально осмотрела, после чего зашла в домик и взялась за книгу.

– Давай-ка, Аль, показывай, который.

– Вот этот, – быстро перелистнула страницы Альбинка и прочитала по слогам: – Ан-чут-ка.

Дальше Санька сама все про этого анчутку вычитала. Оказалось, это мелкий лесной демон, видом чем-то на утку похожий. Любопытный и до воды охочий. Так, ничего особенного. В конце, правда, говорилось, что может он путников в лесу ночами пугать. Но пугать – не есть...

Саньку теперь терзало любопытство, поэтому она попросила:

– Если этот анчутка еще раз придет, ты меня сразу позови, хорошо?

– Договорились, – со всей ответственностью закивала Альбинка. – Пойду еще игрушек наделаю. А ты, мам, камень у себя оставь и береги теперь, а то я вдруг еще потеряю?

– Сберегу, не переживай...

Анчутка вернулся спустя пять минут, но стоило только Альбинке громко позвать маму, пугливый демоненок тут же сбежал. Санька поняла, что так дело не пойдет, поэтому решила наблюдать из укрытия.

Она зашла внутрь домика, оставила открытой дверь. Взобравшись на кровать с ногами, спряталась под покрывало и принялась наблюдать.

Анчутка снова пришел. С ним были еще два подобных создания. «Смешные и совсем не страшные», – подумала Санька, тихо улыбаясь в своей засаде.

– Давай меняться! Меняться давай! – закричали анчутки, перетапываясь от нетерпения.

– Давайте. Что предложите? У меня – лось. И еще два цыпленка. Вот, можете посмотреть, – с важным видом продемонстрировала свои нехитрые поделки Альбинка.

Вид у нее при этом был такой торжественный и пафосный, будто она дорогую иномарку в салоне потенциальным покупателям представляет.

– У меня камень, – сказал самый большой анчутка.

Он протянул девочке уже знакомый голубой камень и, получив вожделенного коряжного лося, схватил его перепончатыми лапками, прижал к пушистой бурой грудке, отбежал в сторонку и принялся любоваться добычей. То приставит лося к лежащему рядом валуну, будто лось на скалу залез, то тыгдык-тыгдык лосем по траве, то на солнце сквозь переплетение деревянных ног и рогов поглядит...

Приятелям счастливого обладателя коряжки, видать, завидно стало, что у собрата их в руках такое сокровище. Они храбрости набрались и свои мены предлагать начали:

– У меня перо, – неразборчиво прокурлыкал анчутка, что был поменьше всех.

– Просто перо-о-о? – разочарованно протянула Альбинка. – У меня перья есть.

– Такого нет, – заспорил демоненок.

Он протянул большущее, почти в метр длиной, белое перо с бензиновым отливом.

– Красиво. Ла-а-адно, – обрадовалась Альбинка. – Вот этого цыпленка за него дам.

– А у меня сундук. – Последний анчутка положил на деревянный пол огромную двустворчатую раковину, похожую на привычный домик пресноводной беззубки.

– Какой же это сундук? – удивилась девочка. – Это ракушка.

– Сундук, – стоял на своем анчутка. В подтверждение своих слов он распахнул и снова сомкнул створки раковины. – Можно внутрь класть. Сундук. Хороший.

– Угу, возьму, – донеслось в ответ с протяжной важностью.

Тут Санька решила показаться. Она медленно выбралась из-под покрывала, на цыпочках подошла к дверному проему. Позвала тихо, чтобы не напугать:

– Э-э-эй.

Анчутки все разом вздрогнули и выронили наменянное.

– Ой, лешая! Ай! Ох! – раздалась испуганные возгласы.

– Да не пугайтесь вы, – успокоила их Санька. – Все хорошо. Только скажите, что это за камни у вас такие, похожие на драгоценные?

– Там! Там! Там! – ощутив свою значимость и нужность, закричали наперебой анчутки. – В пепле выкопали. В углях. В золе.

– А где эти угли? – продолжила допрос Санька.

– Там! Там! Там! – повторили анчутки и неожиданно предложили: – Мы отведем. Мы покажем. Иди за нами.

Камней им, похоже, было совершенно не жаль. Даже драгоценных...

Пестрыми комочками они вперевалочку потопали куда-то за «душ» и дальше по незамеченной раньше тропинке, что вилась во мху вокруг молоденьких конусообразных елочек.

Альбинка шла рядом с Санькой.

– Интересно, куда мы идем? – размышляла дочка. – А тебе, мам, интересно?

– Очень, – ответила Сашка. – Что у них там за месторождение такое?

- Мам, а что такое «место рождения»? – поинтересовалась любознательная Альбинка.
- Это природное скопление всяких полезных ископаемых.
- Ага. Понятно. – Альбинка принялась: – Мам, гарью пахнет. Тебе пахнет?
- Да. – Санька потянула носом резко изменившийся воздух. В ноздри забился густой запах пепла. – Где-то поблизости был пожар.

Она не ошиблась.

Лес резко оборвался вниз крутым песчаным склоном, под которым почти до самого горизонта тянулась выжженная земля, черная и мертвая. Посреди этой пустой жути высился холм, на котором Санька увидела то, что заставило ее сердце болезненно сжаться.

Глава 4. Пепелище

Обгорелый остов огромного дерева высился на холме, и ветер, срывая с земли покров седого пепла, овеивал остатки черного ствола, словно окутывал бледным саваном.

Санька могла лишь гадать, каким это дерево было при жизни. Огромным. Исполинским! Должно быть, его крона покрывала добрую треть нынешнего пепелища. А ствол, судя по размерам того, что от него осталось, вряд ли обхватили бы, взявшись за руки, даже сто человек...

Невероятное, похоже, было дерево.

Как жаль...

Волк-заблудень, появившийся рядом с привычной внезапностью, встал на краю песчаного склона, закинул к небу морду и горестно завыл.

– Мама, что тут произошло? – расстроилась Альбинка.

И Санька не смогла сдержаться, ответила, как есть:

– Что-то ужасное.

– Зачем они сожгли лес?

– «Они»? – задумалась Санька. – Почему ты считаешь, что кто-то устроил пожар намеренно? Может быть, случилось какое-то природное бедствие?

Альбинка, действительно, о таком сразу не подумала:

– Наверное, – согласилась без особой охоты. – Ударил молния... Сто тысяч молний ударило! – И вдруг ее осенило: – Ма-а-ам! Вот же она – работа лешей.

Санька стояла задумавшись, размышляла о причинах пожара. Катаклизм или все-таки умышленный поджог? Она не сразу сообразила, что имеет в виду Альбинка, поэтому переспросила:

– Работа лешей? Что ты имеешь в виду?

– Надо посадить новый лес, мам. Чего тут непонятного? Все же просто.

– Просто? – Санька тоскливо оглядела последствия пожара. – Это совсем, Аль, непросто. Это... – Она хотела сказать «непоправимо», но решила не расстраивать дочку столь категоричным выводом. – Я даже не представляю, как можно восстановить все это.

– У нас же теперь есть волшебный посох, и книги, и магия. – Альбинка не теряла надежд на спасение несчастного леса. – Ну, ма-а-ам. Ну, дава-а-ай.

А Санька в тот момент вспомнила последние записи из Листвяниного журнала: «Надежда еще теплится. Зола удобрила почву, ждать осталось немного...».

Зола.

Уж не про это ли место шла речь? Зола тут просто завалилась. Помнится, они с мачехой на даче тоже часто землю золой удобряли...

Так Листвяна надеялась возродить сгоревший лес?

Похоже на то.

Альбинка, пожалуй, права. Стоит попробовать...

И Санька кивнула:

– Давай попробуем.

У Листвяны в журнале было написано про саженцы. «Ложку живой воды на ведро... Саженцам дозреть неделю, потом в землю». Судя по всему, пропавшая лешая готовилась засадить горелый пустырь новыми деревьями. Возможно, если удобрять их живой водой, что-то и впрямь может получиться?

Интересно, где они у Листвяны, эти саженцы, о которых говорится в записи?

Вроде бы они с Альбинкой все постройки на лесном хуторке осмотрели. Хотя была еще лодочка. Куда-то на ней плавали

К странному куполу за деревьями.

Саньке не очень-то хотелось плыть туда, но иных вариантов, похоже, не было.

– Мам, что мы сажать-то будем? Давай сосны? Или елки? Вон их сколько вокруг? Хоть обсажайся.

– Нет, – покачала головой Санька. – Сейчас лето, Аль. Хвойные пересаживать уже поздно. Погибнут.

– Почему?

Санька подошла к растущей прямо на склоне молодой сосенке, показала дочери край ветки в смолистых почках.

– Потому что они сейчас растут, набирают силы и очень не хотят, чтобы их беспокоили. Пересаживать их можно только самой ранней весной, когда вот эти штучки еще в рост не пошли. Видишь?

– Вижу.

– Или поздней-поздней осенью, почти зимой, когда деревца уже заснули.

– А что можно сейчас сажать? Березу можно?

– С лиственными деревьями, конечно, в этом плане проще, но сейчас и для них не лучшее время. Нужно будет возиться, постоянно поливать, следить, чтобы саженец на солнышке не подгорел. Было б нам нужно одно деревце – не проблема, повозились бы. Но нам необходим целый лес. Много-много сильных и здоровых молодых деревьев. Так что...

– Так что же мы будем делать-то? – Альбина непонимающе уставилась на Саньку. – То нельзя, се нельзя...

– Походим по лесу, приглядим подрост, отметим, где хорошие молодые деревца стоят, а осенью пересадим. Соберем семена с разных цветов и трав, чтобы засеять почву. И компостную кучу сделаем для удобрения. Работы хватит, не переживай.

– Ладно, – согласилась Альбинка. – Только семена собирать чур я буду.

– Хорошо, не стала спорить Санька.

Они пошли обратно к домику, но в какой-то момент, видимо, не в ту сторону повернули. Сначала попадались все те же молодые елочки, потом ельник резко сменился сосняком. Тут бы и выйти к дому, но – нет. За соснами проблескивало лазурное небо. Белыми галочками мелькали чайки.

– Это не наша поляна, – озвучила очевидный факт Альбинка.

– Наверное, мы немного ошиблись. – Саньке категорически не нравилось слово «заблудились». Пойдем обратно.

– Давай не пойдем, – попросила дочка. – Давай посмотрим, что там.

Санька не стала протестовать:

– Почему бы и нет.

Судя по чайкам и прогалам, впереди находилось какое-то большое водное пространство. Через десяток шагов тропинка окончательно истончилась.

Они прошли по пушистому мху, перебрались через пару поваленных деревьев, обогнули большой валун и вскоре оказались на берегу довольно просторного озера с широкой прибрежной полосой из белого песка.

– Тут как на море, мам. Пойдем купаться! – крикнула Альбинка и, на ходу сбросив обувь вместе с носками, босиком побежала к воде.

– Подожди меня. Не лезь в воду одна. Альбина!

Санька едва поспевала за дочерью. Ноги тонули в песке. Старый кроссовок, давно прошивший каши, зацепился за скрытую в толще песка коряжку и разорвался окончательно. Санька споткнулась, грохнулась...

Хорошо, что мягко.

– Мам, ты чего? – Альбинка подскочила к ней, протянула руку. – Вставай.

Санька села, принялась сердито отряхивать колени.

– Ты зачем убегаешь? Знаешь же, что место незнакомое. Мало ли что в этом озере?

– Мы же лешие, мам. Нас тут никто не обидит, – повторила она почти дословно сказанное Ярой.

Санька поморщилась. Вывернула при падении щиколотку. Теперь болело. И правда, чего понеслась за дочкой, как угорелая? Надо учиться доверять этому лесу. И этому миру.

Им теперь здесь жить.

Подумав о будущем, Санька вздохнула. Здесь действительно хорошо, в любом случае лучше, чем в общаге с Андреем. И по отцу она особо скучать не будет, разве что по мачехе и по подругам. И по Наине Маратовне.

Что они все сейчас делают? Знают ли об их с дочкой пропаже? Наина Маратовна, наверное, думает, что они в Полянкино. А не позвонили – Санька обещала позвонить по приезду – мало ли по какой причине? Да и времени мало прошло. Сутки всего. А что будет через неделю? Начнут искать. Наина Маратовна, все еще уверенная, что Санька скрывается в ее родной деревне, еще раз позвонит. Не получив ответа, свяжется с односельчанами и поймет, что никто в ее дом так и не приехал...

А потом их объявят в розыск.

Санька еще раз вздохнула, решив не накручивать себя. В голове промелькнула злорадная мысль, что виновным в ее исчезновении скорее всего посчитают Андрея. Придется ему тогда несладко.

И пусть.

Она принялась размышлять о насущном, подсчитывать плюсы и минусы каждого мира.

В своем изначальном мире из основных плюсов: люди, которым не безразлична она и которые не безразличны ей. Всякие гаджеты и прочие плоды цивилизации тоже хорошее подспорье, весомое. Из минусов: она там почти полный ноль – ни толкового образования, ни нормальной работы, жилье – халупа, муж – кухонный боксер. Бинго типовой неудачницы. А тут что? Тут работа. Не просто работа, а работа мечты! И жилье – дом в лесу, Санька о таком мечтала в детстве. Чтобы звери всякие приходили...

И вот тебе, пожалуйста, лес, полный волшебства, дружелюбные волки, ведьма-начальница.

Сказка, а не жизнь.

Из минусов: непонятно, сколько все это продлится. Вот вернется Листвяна назад и попросит их освободить помещение. Куда они пойдут? В заглохший «уазик»? И это полбеды, есть еще и другие минусы. Например, Саньке в этом году нужно в школу идти. В первый класс. А тут что? Школа магии? Хорошо бы, если так. А вообще, надо будет у Яры на этот счет поинтересоваться...

И тут Санька подумала, как здорово было бы, если б можно было жить и работать тут, а в свой мир – нет, не возвращаться, – а иногда ненадолго заглядывать. Она бы тогда успокоила родных, что жива. Пусть считают, что она просто переехала работать за город. В какой-нибудь закрытый правительственный заповедник, типа Завидного. Работай она там, секретности никто б не удивился. Встречалась бы иногда с подругами в кафе или на дачах. Привезла бы сюда привычных продуктов, одежду, гаджеты. Хотя нет. Какой тут от гаджетов толк? Электричества-то, похоже, нет.

Надо будет у Яры уточнить...

И Альбинку она в школу устроила б. Привозила бы и увозила. На худой конец, сейчас есть домашнее обучение...

Эх, мечты-мечты!

– Ма-а-ам, ну мы купаться-то будем?

– Ты уверена, что нужно? – Санька придирчиво оглядела спокойную воду. – Вдруг там этот, из книжки, как там его... Коркодел?

– Который на крокодила похож? – хитро прищурилась Альбинка.

– Он самый, Аль. Помнишь, какие зубы?

– Но ведь нас никто не обидит, потому что мы – лешие? – в очередной раз напомнила дочка.

– Лешие, – согласилась Санька. – Но не водяные же?

– Мам, – Альбинка встала руки в боки, – ты переосторожничаешь. Прозрачная же вода. И жа-а-арко.

Санька сдалась.

– Ладно, уговорила. Только я первая зайду, все разведая и только тогда – ты.

– Хорошо. – Ответом послужили энергичные кивки и моментально отброшенная в сторону одежда.

Санька стянула дешевые джинсы, футболку, испачканную кровью у плеча. Бросила на песок рядом с кроссовками, носить которые теперь вряд ли представится возможным. И обувь! Имей она возможность ходить из мира в мир, она обязательно позаботилась бы и об обуви...

Песок мягко утопил стопы. Внутри он был холодный и влажный. Вязкий. Санька, ойкая, – щиколотка продолжала болеть, – дохромала до воды. По глазам резануло ярким блеском. Вода, прозрачная как слеза, искрилась в солнечных лучах. Ветер приятно освежал кожу. Под подернутой легкой рябью гладью виднелось изрытое барханами дно.

Мелко.

Санька прошла на несколько метров в глубину, но глубины пока что не нашлось. Все время было по колено. И если смотреть дальше, та же мель.

Идеальный детский пляж-лягушатник с чистой прозрачной водичкой.

– Аль, пойдем. Тут как раз для тебя, – позвала Санька.

Она обернулась и снова чуть не споткнулась обо что-то гладкое, размером с футбольный мяч.

Устояла. Глянула под ноги. Полузарытое в песок, на дне лежало нечто, напоминающее...

– Яйцо! – радостно воскликнула подросевшая Альбинка. – Кто его снес, мам? Крокодил?

Санька пригляделась и поняла, что Альбинка права, и под водой действительно находится яйцо. Большое такое... Похоже на страусиное, только цвет какой-то странный, радужный в темно-лиловую крапинку.

И побольше страусиного-то будет.

– Не думаю, что крокодиле, – успокоила дочку Санька. Пошарила ногой вокруг яйца. Под пальцами в песке снова нашлось что-то твердое. – Та-а-ак... Вот еще одно. И еще.

Интересно, кто их тут наоткладывал?

Кто бы ни был, существо это должно быть довольно большим, так что из воды лучше выйти, вдруг оно уже рядом и решило, что на его кладку покушаются?

– Ма-а-ам! Быть может, это гигантской анаконды? – воодушевленно предположила Альбинка, но Санька не раздела ее энтузиазма.

– Нет. Не анаконды. Я надеюсь... Давай-ка на берег пойдем. А то...

Договорить она не успела. Над озером распростерлась огромная тень, засвистели крылья, ветер поднялся такой, что по глади побежали волны в белых барашках. Послышалась песня – просто мелодия без слов, довольно бодрая, если не сказать веселая.

Санька среагировала моментально: схватила за руку Альбинку и пулей вылетела на берег. Хотя толку-то? Существо, опустившееся с небес прямо на пляж, могло настигнуть их при желании и в воде, и на суше.

И прибить одним ударом.

Это была огромная птица в белом с радужной каймой оперении. Размером она, пожалуй, перегнала бы корову, но самым пугающим в ее облике были вовсе не габариты. И даже не гигантские серповидные когти.

Лицо.

У птицы было лицо. Почти человеческое: нос, губы, глаза. Вот только глаза, пожалуй, были чуждыми всему людскому. Желтые радужки, вертикальные зрачки...

А еще две руки. Птица оперлась на них, когда села на песок. На пальцах тоже когти.

Покороче.

Санька узнала птицу. Совсем недавно ее в книге-бестиарии наблюдала.

Алконост.

Вроде дружелюбная. Не было в тексте о том, что она нападает на людей. Точно не было! А что было? Санька напрягла память. Вроде бы этот алконост яйца на морском берегу откладывает и охраняет их.

И поет.

Было во внешности удивительной птицы и нечто неутешительное.

– Бедная... – произнесла грустным шепотом Альбинка.

Санька поняла, что дочка имеет в виду, потому что тоже заметила.

На руке алконоста, там, где человеческая кожа еще не сошлась с перьями, проступал сильный ожог.

– Она пострадала в том пожаре, – догадалась Санька и подумала: «А ведь в нем, наверное, пострадал много кто еще. Нужно выяснить причины возгорания и сделать все, чтобы оно не повторилось»...

Как ни странно, птица не обращала никакого внимания на новую лешую и ее дочку. Будто они были чем-то само собой разумеющимся в этом лесу. Птица тихо пела и, подобравшись к самой кромке песка, обмакивала в воду длинные маховые перья на крыльях.

– Мам, зачем она это делает? – поинтересовалась любопытная Альбинка. – Крылья в озеро макает?

Санька согнула ногу в колене, приподняла, чтобы потереть больную щиколотку, но боль исчезла, будто ее и не было, и тут сам собой вспомнился текст бестиария. Часть паззла сложилась.

– Алконост сбрасывает с крыльев волшебную росу. Вода рядом с гнездом стала от нее живой. И вон, смотри, – указала она на уходящую в заросли бузины тонкую протоку. – Ручеек течет в сторону нашего домика. Наверное, он как-то соединяется с «ванной».

– И с маленьким озерцом, – предположила Альбинка.

Санька не стала спорить.

– Скорее всего.

– Мам, а давай пройдем вдоль него до нашей полянки? Разведем, есть ли там дорога?

– Давай попробуем, – согласилась Санька.

Что они, собственно, теряли? А угождая новые изучить вдоль и поперек необходимо. Для работы.

И они пошли по краю протоки, прыгая с камня на камень под зеленовато-алым навесом из бузины.

Ручеек вился, петлял, а потом резко спрятался под такой бурелом, что пришлось искать новый путь. Двигаться дальше вдоль русла не представлялось возможным.

Протока свернула налево, по правую же руку открылся резкий скалистый подъем. Проступил из почвы белый известняк в буром крапе окаменевших раковин и угловатых «шестеренок». Эти «шестеренки», похожие на вросшие в камень детали инопланетного корабля, Санька когда-то ошибочно приняла за останки ископаемых растений. Морские лилии, так они назывались. Красивое название сразу привлекло внимание. Что за цветы такие в древнем море росли? Оказалось, что хоть они и лилии, только вовсе не цветы, а животные, родственные морским ежам...

Значит, в этом мире они тоже когда-то жили...

Если как следует приглядеться к подъему, можно различить тропинку.

Едва заметную, узенькую, ненадежную. Склон поднимался почти вертикально вверх, пришлось ползти на четвереньках – подошвы так и норовили соскользнуть.

– Давай руку.

Санька хотела подтянуть Альбинку за собой, но та упрямо самостоятельничала.

– Я сама.

– Ну, давай сама.

И Алька со свойственной многим детям ловкостью первой взлетела на плоскую вершину скальной ступени.

– Ого-го, – протянула с интересом. – Мы это вроде бы около дома видели. За озером. Станный купол...

– И правда, он, – тяжело дыша, произнесла запыхавшаяся на крутом подъеме Санька.

Купол неясного назначения высился над зарослями орешника и молодой ольхи. Получалось разглядеть его металлический ячеистый каркас, который когда-то был полностью покрыт стеклянными секциями. Теперь часть секций разбилась.

Сквозь дыры наружу выползал змеистый плющ и стекал с купола вниз зеленым каскадом.

Санька первая продралась сквозь орешник. Остановилась возле металлической дуги, образующей свод.

– Мам, что это такое? – поинтересовалась подоспевшая следом Альбинка.

– Оранжерея, – додумалась Санька.

Уж слишком знакомое было зрелище. Она видела подобную картину однажды на юге, куда еще до замужества путешествовала с мачехой и отцом. Тогда ей предстало похожее зрелище: битые стекла, сохнувшие растения, часть которых все же выживала, дичала и продолжала бороться за жизнь...

Здесь тоже.

– Мы сходим внутрь?

Альбинке очень хотелось исследовать найденную оранжерея.

Саньке тоже.

Поэтому она взяла дочку за руку, проинструктировав:

– От меня не отходить. Никуда без спроса не залезать. Ничего не трогать.

Вошли.

Когда-то в оранжерее было, наверное, очень красиво, но сейчас она пребывала в запустении. Величественное строение разительно отличалось от лесных построек Листвяниного жилища, и в упадок оно пришло явно не по ее вине.

Санька шагнула вперед, к центру помещения, где когда-то били струи убранного в мрамор небольшого фонтана. Сейчас от бывлой роскоши остались только перекошенная чаша да миниатюрный круглый бассейн, заполненный мутной водой.

Все это, по всей видимости, досталось предыдущей лешей уже в таком разоренном виде. Наверное, она однажды нашла эти руины и обустроилась тут со своими посадками.

За бассейном начинались гряды. Обработанные. На ближайшей росли какие-то странные овощи, похожие на очень крупную, высоко выступающую корнеплодом из земли репу.

Санька даже не успела их толком разглядеть, Альбинка подросла первой и, не подумав, дернула ближайшую «репу» наружу и тут же запрыгала на месте с испуганным видом. Добычу при этом не кинула.

– Ай! Ой! Кто это такой?

Под ворохом густой зеленой ботвы обнаружилось репообразное тельце со старческим сморщенным личиком. Когда Альбинка неосторожно выудила странное создание из земли, оно открыло маленькие недовольные глаза, гневно исказило морщинистый ротик и взвыло душе-раздирающе, как сирена.

Альбинка тоже взывала:

– Мама, возьми его! Возьми!

При этом бросить явно живое создание на землю она не решалась.

Санька выхватила у дочери орущий корнеплод и благоразумно ткнула обратно в грядку. Создание немного успокоилось, по крайней мере, перестало истошно голосить. Теперь оно лишь ворчалло недовольно и ругалось на непонятном языке.

– Это же мандрагора, – по-детски обрадовалась Санька.

Про волшебное человекообразное растение она успела мельком вычитать в бестиарии и теперь не могла поверить своим глазам. Дух садовника-огородника снова проснулся в ней, как когда-то в школе на уроках ботаники. И на мачехиной даче такое случалось. Вспомнилось, как тетя Лариса забывала обо всем на свете, приходя в какой-нибудь питомник растений. Постепенно и Санька этим заразилась...

– Какая же она громкая, – недовольно пожаловалась Альбинка. – Я чуть не оглохла.

– Надеюсь, ты это сейчас преувеличив сказала, – успокоила дочку Санька. – Было бы обидно по-настоящему оглохнуть в этом интересном мире.

– Все равно эта твоя мандрагора страшная и оручая, – насупилась Альбинка. – Зачем она тут?

– Предыдущая лешая вырастила. Представляешь, как, наверное, сложно вырастить рассаду этих самых мандрагор?

– Зачем их специально сажать-то?

– Для охраны, наверное. Если они на каждого чужака так кричат, сторожевой собаки не надо, – в шутку предположила Санька.

Альбинка тут же подхватила эту идею. Ее неприязнь к мандрагорам моментально улетучилась.

– Давай возьмем одну домой? Посадим ее перед терраской, чтобы вход сторожила.

– А что... Можно, пожалуй. – Санька потрогала землю рядом с угомонившейся мандрагорой. Сухо. Почва серая, как пыль. – Только сначала давай их всех польем.

– Давай.

Альбинка выудила из-за грядки металлическую узорчатую лейку. Саньке достался валявшийся тут же рядом глиняный кувшин. Они наполнили емкости в бассейне фонтана и принялись поливать.

А мандрагоры прямо на глазах из вредных старичков начали превращаться в щекастых румяных младенцев. И листочки у них живенько так затопорщились вверх, зазеленели ярче прежнего.

– Мам, гляди. – Альбинка уже потеряла интерес к мандрагорам. На других грядках поникли незнакомые яркие цветы, которые тоже требовали полива. – Как жалко, что завяли. Нужно полить скорее.

– Давай, доченька, так и сделаем, – согласилась Санька.

Сама же подумала: «А вон там что за странная куча из листьев и соломы?» Она уже направилась к непонятной куче, но вдруг заметила движение на противоположной стороне оранжереи. Чей-то серый бок мелькнул за потрескавшимся стеклом.

Уже знакомый бок.

– Привет, пенек! – помахала рукой Альбинка. – Это теперь наш волк-пенек, мам? Давай его как-нибудь назовем?

Санька предположила:

– Быть может, у него уже есть имя?

– Но он не говорит его нам, – развела руками девочка.

– Говорить, наверное, не умеет. – Санька отследила взглядом движение заблудня. Он прошел вдоль оранжереи снаружи, а потом исчез. Снова появился, посмотрел внимательно, мотнул головой, будто пригласил идти за собой. – Пойдем-ка посмотрим, что там у него.

Она быстро пересекла оранжерею и выбралась наружу через проем разбитой секции.

Заблудень ждал.

Когда понял, что Санька готова идти за ним следом, медленно потрусил в темный малинник, над которым поверх молодых рябин и орехов лег покрывалом хмель.

В глубине малинника обнаружился белесый пенёк. При внимательном рассмотрении он оказался еще одним заблуднем, серебристо-белым волком, свернувшимся клубком на пене зеленого мха.

Этот новый, незнакомый волк не двигался.

Серый заблудень приблизился вплотную к белому, тронул его лапой, заскулил требовательно и одновременно грустно. Белый завозился, вскинул остроухую голову и внимательно посмотрел на Саньку. С минуту волшебный зверь раздумывал, потом поднялся и отошел в сторону.

На месте, где таился белый заблудень, нашлось небольшое углубление. Там, в темной ямке, заботливо обложенной кусочками влажного мха, лежал на боку крошечный саженец с парой детских и одним неравноперистым, еще до конца не развернувшимся взрослым листом.

– Мама, еще один пневолок, – обрадовалась подроспевшая Альбинка. – Это тоже наш? Мы его с собой домой возьмем?

– А разве мы предыдущего брали? Он сам, когда хочет, приходит. Это он нас «домой взял» и в домишке ночью запер, если уж на то пошло, – сказала ей Санька.

Сейчас ей больше всего саженец был интересен. Даже факт появления еще одного заблудня отходил на дальний план. Больше интересовало, зачем, а главное, от кого Листвяна спрятала невзрачное растеньице. То, что устроила тайник именно она, выглядело несомненным.

И что за росток такой?

Не похож вроде бы на что-то дорогое, экзотическое или особо ценное.

Пока Санька размышляла, Альбинка уже придумала, что надо сделать:

– Мам, росточек хорошо бы в горшок посадить. И давай его с собой заберем? На террасе поставим или в домике на окно.

– Давай, – согласилась Санька.

Здоровая идея, а главное, своевременная. В оранжерее должна найтись какая-нибудь емкость...

Вернувшись под купол, они обнаружили несколько лежащих на полу горшков. Часть из них разбилась, и растения, выпавшие наружу, теперь валялись сиротливо среди глиняных черепков и рассыпанной почвы.

– Бедные! – воскликнула Альбинка, подхватывая поникший саженец клена и переломленную пополам березку. – Надо их спасать.

– Давай поищем, куда можно посадить эти растения, – предложила Санька.

– Давай, мам. А мы успеем? Деревца не умрут?

– Не должны. Тем более тут есть специальная волшебная вода. Мы им поможем, – убедилась дочку Санька.

Пустые горшки нашлись под массивным столом из каменных плит. Санька отобрала те, что попросторнее. Позади стола обнаружилось несколько больших деревянных емкостей, внутри которых – Санька поняла это лишь мельком глянув, – оказались посадочная земля, перегной и компост.

Еще в одной емкости поменьше – кропотливо отобранные мелкие камешки для дренажа.

Работу по пересадке они с Альбинкой закончили довольно быстро. Вскоре березка, клен, рябинка и два дубка обрели новые «квартиры». Для юных соснят и елочки Санька нашла за куполом немного хвои. Хвойные любят, чтобы почва была покислее...

Саженец из тайника Санька посадила красивый горшок с синими узорами на белом фоне.

– Ну вот наши лешачьи будни и начались, – сказала Санька, стряхивая с рук остатки земли и прилипшие хвоинки.

– Есть хочется, – вспомнила вдруг Альбинка. – Что мы на ужин, мам, будем готовить?

– Сейчас поищем что.

Санька вернулась к грядкам. Стараясь не приближаться к мандрагорам, завернула туда, где зрели молодые кабачки, сняла парочку. Сейчас они мягкие и чистятся легко. Хотя не обязательно и чистить, можно просто нарезать кольцами, обжарить в муке...

От одной мысли о жареных кабачках в золотистой панировке у Саньки заныл желудок. Она прижала добычу к себе и позвала Альбинку.

– Идем ужинать.

– А деревца? – поинтересовалась дочка.

– То, что нашли в тайнике, заберем с собой на всякий случай, а остальные оставим тут. Да не переживай ты. Это же оранжерея, она специально для того и придумана, чтобы в ней растения в комфорте жили.

Возвратились они тем же путем, что и пришли.

Альбинка предложила дойти вдоль протоки до озера перед домом, но потом вспомнила, что лодочка-то не со стороны оранжереи привязана, так что не доплывешь...

Пока Санька готовила еду, Альбинка выполняла важное задание: кормила кур. Для этого ей было выдана миска с зерном из амбара. Куры радостно кудахтали, толкались, отпихивали друг друга. Пестрый певчий дрозд попытался вклинить между ними, но его чуть не затоптали. Пришлось ему вернуться на ближайшее дерево и разразиться в сторону кур ворчливой трелью.

Ужиналось им в тот день необычайно аппетитно. Свежий лесной воздух придавал приему пищи особый задор. Санька думала оставить половину нажаренных кабачков на завтрак, но им обоим елось за обе щеки, поэтому вскоре запастись стало нечего.

– Вкуснотища, мам, – нахваливала еду Альбинка. – Эх, майонеза бы...

– Точно, – подхватила Санька. – Или соуса сливочно-чесночного, – и поругала себя мысленно за то, что не удосужилась поискать в оранжерее чеснок.

Вдруг он там был?

Хотя ужин и так вполне хорош. Даже в сон от него потянуло. Не зря говорят, что на природе спится в охотку.

Над лесом растекался по небу лилово-желтый вечер. Солнце клонилось к закату. К нему из печной трубы поднимался уютный дымок.

А ровно в десять вечера, как и было обещано в Листвянином журнале, к ним пришла Бурка.

Глава 5. Все свои

Альбинка ее первой заметила, прибежала за Санькой в кухню, стала показывать.

– Мам, вон там! Туда смотри... Да нет! Не туда, а туда... Видишь?

Санька сразу не увидела, хотя, казалось бы, как можно не разглядеть с первого раза ту, что ростом под два метра и весом под полтонны? Но Бурку, видимо, не просто так называли Буркой, а потому что правда бурая – коричнево-серая с проседью и прожелтью.

С лесом сливается.

– Иди-ка сюда. От меня ни на шаг, – тихо сказала дочке Санька, разглядев наконец прячущуюся за стволами гостью.

– Мам, я посмотреть хочу, – попыталась возмутиться Альбинка.

– Смотри, не выходя наружу. Отсюда тоже хорошо видно.

Санька никак не могла привыкнуть к местной фауне, хоть Ярино предупреждение о том, что их тут никто не тронет, и крутилось в голове рефреном. Больших лесных животных сложно не бояться. Страх перед дикими существами, способными пристукнуть тебя одним ударом копыта, прошит где-то внутри, на каком-то дремучем подсознательном уровне.

– Мам, это же лось? – прилетел в спину вопрос, требующий немедленного ответа.

– Да.

– А где рога?

– Это лосиха. У нее рогов нет, – ответила Санька и позвала. – Бурка, Бурка... Ты ведь Бурка?

Услышав свое имя, огромное животное шагнуло по направлению к кухне, но, разглядев Саньку, вдруг недоверчиво принялось и подалось назад. Подергало ушами в недоумении. Лосиха явно ожидала увидеть кого-то другого.

Листвяну, а не Саньку.

Недовольно фыркнув, Бурка неодобрительно помотала ушастью головой и с необычайной для столь громадного создания бесшумностью скрылась в лесу.

Санька пожала плечами.

И зачем приходила?

В журнале было написано, что теперь лосиха приходит в десять. Каждый день, выходит, приходит? К чему эта регулярность?

Пока Санька раздумывала над странным визитом, Альбинка успела залезть в погребок и выудить оттуда бадейку с молоком и маслом. Добыла кружку, плеснула молока через носик в боку бадейки, отхлебнула с наслаждением, но тут же сморщилась:

– Бе-е-е...

– Испортилось или невкусное? – уточнила Санька.

– Не знаю, – Альбинка с опаской отставила кружку в сторону. – Странное какое-то...

– Горькое или кислое? – допытывалась Санька.

– Соленое, – прозвучал неожиданный ответ.

– Дай-ка попробую.

Санька осторожно сделала маленький глоток. Молоко не показалось ей испорченным, хотя вкус у него действительно был странный и консистенция слишком густая, почти как у йогурта. Точно не коровье. И точно не козье – то сладковатое, один раз попробуешь, уже не спутаешь...

Санька посмотрела на деревянную бадейку, не слишком высокую, неудобную на вид, да еще и с этим нелепым носиком... И тут она поняла – это же подойник! А молоко...

Молоко-то – лосиное!

Вот зачем Бурка к Листвяне приходила. Доить. А сегодня увидела, что вместо прежней знакомой лешей тут какая-то новая чужачка хозяйничает, состорожничала и ушла.

– Это лосиное, Аль, молоко. – Санька поделилась догадкой с дочкой.

– Тогда буду. – Альбинка потянулась к кружке. – Чего же ты сразу, мам, не сказала?

Как только солнце спряталось за лес, потемнело быстро.

Под потолком кухни зажегся газовый фонарь. Печка тоже немного светила. Аппетитно пахло поджаркой. На одной из полок нашлись пряные специи, и жареные кабачки получились на совесть.

После позднего ужина они дошли до «ванной». Сполоснулись и обратно быстрым шагом. Очень хотелось зубы почистить, но нечем...

До дома добежали бегом, кутаясь в мягкие льняные полотенца, удачно обнаруженные в сундуке под кроватью. Забежали в домик, оделись в легкое, на сон.

С помывкой разобрались, осталось решить вопрос стирки...

Санька вышла наружу, коснулась фонаря на терраске, и он зажегся. Тьма вокруг сразу сделалась резче и гуще. Ночной лес как будто подступил на шаг, обкидал тенями и кусками залегшего у самой земли тумана.

Из тумана пришли заблудни.

Побродили вокруг построек, пригнув к земле головы. Потом сели на полянке справа и слева от входа в домик.

– Давай назовем их Белка и Стрелка, – предложила Альбинка.

– Серый, по-моему, мальчик.

– Тогда Белка и Стрелок.

– Пойдем-ка спать. – Санька устало потерла глаза. – Поздно уже.

– Чур, ты считаешь, – потребовала дочка.

Сонной Саньке пришлось согласиться.

– Хорошо, только не очень долго.

– Прочитаешь про пневолка в книжке, где звери?

– Хорошая идея. – Санька заперла дверь, достала бестиарий. – Укладывайся и слушай. «Заблудни – создания особые...»

Ей и самой было интересно. Думалось ведь, что заблудни только неосторожных путников по лесам водить умеют да в пни превращаться. Оказалось – не только. «Если заблудни спрячут какую-то вещь, то найти ее не представится возможным даже с помощью сильной магии. Прячут они лишь по указу хозяина спрятанной вещи. Своих же вещей у заблудней нет. Взять чужое, украсть, отобрать они не могут...» – гласил текст.

Так вот в чем дело!

Санька бросила взгляд на посох, прислоненный к стене возле кресла. Выходит, заблудни не сами додумались спрятать его. Это Листвяна приказала. И тот росточек. В журнале ее говорилось о каком-то саженце «Д.Ж.», у которого вырос второй лист. Не о нем ли?

И что значит это «Д.Ж.»? Дуб желтый? Дерен желтый? Или не желтый?

Судя по единственному пока взрослому листу, это вообще не дуб.

И тем более не дерен.

Значит, в таинственных буквах зашифровано нечто другое...

Альбинка вырубилась и спала без задних ног, так и не дослушав про заблудней.

Санька отложила книгу и подошла к поставленному на подоконник горшку с ростком.

Порыхлила припасенной заранее палочкой землю, чтобы лучше дышалось корням. Внимательно осмотрела листочки – не поникли ли после посадки?

Саженец выглядел бодрым и, кажется, даже немного светился. Или свет лампы на него так падал...

Санька дотянулась до лампы, касанием заставила ее погаснуть. Яснее не стало. В окошко пробивался лунный луч, обливал листочки серебром, блестел на гладком стволике.

Скрипнули половицы снаружи. Это один из заблудней поднялся на терраску, чтобы нести ночной дозор у самой двери.

Новая ночь в новом мире оказалась гораздо спокойнее предыдущей. За стеной стрекотали цикады. Луна поднялась в зенит и обсыпала серебром верхушки далеких деревьев. Лес наполнился ночными звуками: скрежетал, шуршал, шелестел.

Пискнула за окном летучая мышь. Метнулась за стеклом дерганой тенью, припала на миг к раме, а потом унеслась за грань видимости.

Санька улеглась рядом с Альбинкой, но сон отчего-то не шел.

Снаружи поднялся ветер, потянул из-за горизонта оборванные, словно лоскуты призрачного савана, облака. Они поплыли длинной нестройной чередой, то пряча луну, то вновь ее открывая.

На дощатом потолке домика задергались водянистые пятна теней. В какой-то момент в эпицентре их нервной пляски обрисовались очертания незамеченного прежде потолочного люка.

Это еще что?

Санька бесшумно слезла с кровати, бросила короткий взгляд на спящую дочку. Альбинку сейчас из пушки не разбудишь. Самый сон. Подставила стул, влезла на него и тронула крышку потолочного люка. Не заперто. Отворяется вверх.

Откидывается.

Обшарив края проема, Санька обнаружила веревочную лестницу, стянула вниз, взобралась по ней.

Над потолком нашлось совсем крошечное помещение. В рост не встать, можно только на четвереньках. Над головой острый угол двускатной крыши. Впереди мутное круглое окошко. Возле окошка горшочки с засохшими саженцами.

Санька добралась до них, чтобы рассмотреть повнимательнее.

Такие же...

... как тот, живой, что она принесла из оранжереи.

На некоторых, если приглядеться, следы ожогов и сажи. Их принесли с пожарища – тут сомнений никаких!

Санька вспомнила жуткий остов гигантского дерева, высящийся посреди горелого пустыря. Эти ростки наверняка от него... Тогда понятно, почему они такие ценные. То дерево было просто невероятным...

Значит, ей, Саньке, как лешей, да и как просто небезразличному человеку, нужно во что бы то ни стало сохранить и вырастить последний выживший саженец.

Обязательно нужно!

Санька подтянула к себе один из горшочков и высыпала его содержимое на валяющийся рядом поддон. Поковыряла пальцем почву: жирная, пористая, добавлен мох. Поругала себя за то, что сама про мох не додумалась – он же обеззараживает и вообще...

Среди дренажа мелькнуло что-то голубенькое.

Санька выудила находку. Это был уже знакомый блестящий камушек. Похожие, только побольше размером, Альбинка выменяла на свои поделки у анчуток.

Камень с пепелища.

Решив проверить, случайно он попал в горшок с погибшим саженцем, или нет, Санька выпотрошила еще два горшка и в каждом нашла по камню.

Нашла и окончательно запуталась... Нужны ли эти камни в горшках? Ей тоже класть? Или из-за них все посадки погибли?

Непонятно.

А самое главное, от кого Листвяна прятала здесь свою рассаду?
В голове зашевелилась змеей нехорошая мысль. Пожар. Вдруг он не случайно произошел?

Вдруг кто-то устроил его...

Тогда понятно, почему Листвяна ушла, попрытав все ценное. Или не ушла, а ее пропажа – дело чьих-то рук...

О похищении предыдущей лешей, а уж тем более о ее возможной гибели (Санька всячески гнала от себя такую мысль) не хотелось даже думать. Нет! Жива она.

Жива!

Пусть будет жива...

Санька снова легла на кровать, скрестила на груди руки. Надо будет поговорить с Ярой. Выяснить у нее все об этом лесе и об этой должности. И о возможных недоброжелателях, о наличии которых пока одни догадки, и все же...

А пока надо поспать. Утро вечера мудренее.

Эта нехитрая мудрость подействовала как снотворное. Веки сомкнулись, мир вокруг поплыл.

Перед тем, как уснуть, Санька подумала о том, что безумно устала за этот день.

Ведьма явилась рано утром. Вид у нее при этом был довольный и заговорщицкий.

– Ну, как обустроились? – поинтересовалась она, спрыгивая на землю с лошади. – Все в порядке? Никто не обижал? Не пугал? Еду нашли? А воду?

– С этим разобрались, – отчиталась Санька, – но кое с чем другим...

– Вот и отлично! Чудненько! – перебила Яра. Выглядело это так, будто она испугалась, что новая лешая озвучит ей сейчас нечто неприятное, поэтому перехватила бразды беседы в свои руки. – Посмотри, что я тебе привезла. Отличительный знак настоящей лешей. – Она вытянула из-под полы своего яркого плаща значок из серебра с малахитовыми вкраплениями по краям и небольшим, похожим на изумруд камнем в центре. – Знак отличия королевской лешей. Изумруд настоящий. Можно носить как брошь. Можно – как медальон. И знаешь, что самое приятное? С момента, когда ты повесишь сей отличительный знак себе на грудь, тебе начнет начисляться жалование. – Яра вытащила из седельной сумки свернутую в трубочку грамоту. – Дело осталось за малым. Сейчас мы с тобой подпишем этот магический договор...

– Погоди минуту, – вклинилась в бодрую ведьмину тираду Санька. – Перед тем, как что-то подписывать, я хотела бы выяснить некоторые нюансы.

– Какие такие нюансы? – изобразила недоумение Яра, но вид у нее при этом был виноватый.

– Во-первых, вот. – Санька принесла из домика посох и показала ведьме. – Его заблудни прятали. И еще вот... – Рядом с посохом возник горшок с саженцем. – Все это принадлежало Листвяне. Все это было спрятано ею. Надежно, как я понимаю. Мне нужно знать, от кого. Мне, Яра, нужно знать все об этом месте. Желательно в подробностях. У меня маленький ребенок, я не могу рисковать.

Пусть внешне Санька в тот миг выглядела уверенно и даже грозно, в душе у нее все сжималось от осознания того, в какую ловушку она угодила.

Из огня да в полымя.

И все же, Санька отчаянно ловила себя на том, что этот полый чужих тайн лес нравится ей все больше, потому что именно здесь она почувствовала себя важной и нужной. Уместной. Способной справиться. Знающей. Подходящей. Вдохновленной.

Здесь начали сбываться ее самые заветные мечты об отдельном жилье, любимой интересной работе, спокойной жизни.

Без Андрея.

Пусть и в другом мире.

Может, оно и к лучшему, что в другом мире...

Можно целую жизнь начать с нуля, стать кем-то иным, обновиться. Больше не быть Санькой-неудачницей, постоянным поводом отцовских насмешек, битой женой... Можно зажить иначе, доказать свою значимость, показать дочери другую, достойную жизнь, подарить волшебное детство, полное настоящих сказочных чудес...

Яра побледнела на глазах и произнесла тихо:

– Я не знала о спрятанном посохе, честно... И про горшок с цветком не в курсе...

Внезапная ведьмина растерянность придала Саньке напористости, и она выложила следующий козырь:

– В-третьих, я видела своими глазами выгоревший лес и огромное погибшее дерево посреди него. И этот росток, – Санька указала на найденный возле оранжереи саженец, – скорее всего от того дерева...

– Что? – Яра пораженно прижала ко лбу руку в бархатной щегольской перчатке. – Погоди-погоди... – Она медленно опустилась на ступени, ведущие на терраску. – О чары мои лесные, я ведь думала совсем о другом... – Ведьма прикрыла глаза и молчала с полминуты. Наконец, она призналась: – Я должна все тебе рассказать. Честно и правдиво. Иного выхода не вижу. А уж потом ты решишь, подписывать договор или нет. Итак, слушай... Дерево на холме – древний ясень. Тот самый, который называют Древом Жизни. Когда-то давно ему поклонялись как основе основ, как живому божеству, мои же современники о нем почти забыли. Дерево и дерево, одно достоинство, что очень старое, реликтовое... Месяц назад ясень сгорел в страшном пожаре. Была гроза, молнии лупили, как бешеные, одна из них, наверное, и попала в ствол... Так написали в официальном отчете. Листвяна же убеждала меня, что дерево кто-то специально поджег. Я не поверила ей тогда. Подумала – зачем? Кому нужно это старое, никому более не интересное дерево? В общем, мы поругались с твоей предшественницей, и напоследок она заявила мне в сердцах, что уйдет с должности лешей. Доделает кое-что важное, и сразу уйдет... А потом вдруг нагрянула министерская проверка, и мне заявили, что лес скорее всего продадут соседнему государству, потому что он неблагополучный и проблемный. То пожары, то браконьеры, лешие плохо свою работу выполняют. Да и ценности в нем никакой. Их Королевские Величества Король Риван и Королева Ориэлла охотой особенно не увлекаются, им оперу да балет подавай... В общем, не обнаружив Листвяну вчера утром на посту, я решила, что она ушла, как и обещала, еще и без предупреждения, мне назло. Теперь я понимаю, что ошиблась.

Какое-то время Санька переваривала в голове услышанное. Древо Жизни – то самое «Д.Ж.» из записей. Никакой не дуб...

На языке вертелась уйма вопросов.

– Что будет с лесом, если его продадут?

– Вырубят. Тиранийцы – народ ушлый. Древесину продадут, потом поля засеют...

– А с лешими что будет? – Санька насторожилась.

– Всех леших разгонят еще до продажи, как и прочую разумную нечисть. – Яра хмуро скрестила на груди руки. – И меня вместе с вами отправят на мороз. Я этого очень не хочу. Ты не представляешь, какого упорства мне стоило дослужиться до должности ответственной ведьмы. Да я на эту жизнь положила! При хорошем раскладе следующим карьерным шагом могло стать главенство в лесном министерстве. Помнишь нашего общего «друга» – вчерашнего министра? Еще полгода назад я метила в его кресло, а теперь вот-вот окажусь на улице без жалования...

Санька с грустью оглядела обреченный лес.

Днем он выглядел таким веселым и жизнерадостным. Переливался птичьими трелями. Розовел кипреем. Благоухал коктейлем запахов, в котором мешались нотки хвойной смолы, прелого мха и буйного пряного разнотравья.

На полянке пред домом Альбинка общалась с Яриной лошадьё: кормила ее найденными рядом с «ванной» дикими яблоками и явно рассчитывала на очередные покатушки. На бархатистую лошадиную шею кружевом ложились тени. С кухни приятно тянуло едой...

Жалко все это стало, просто невыносимо как!

Только обустроились, выдохнули, можно сказать, и снова – прощай уют и покой, здравствуй стресс.

– Неужели лес никак нельзя спасти? – спросила Санька с надеждой. – А если мы посадим новое Древо? Если...

– Шанс лишь один, – ответила Яра. – Нам повезло. Сюда собирается приехать Ее Величество Ориэлла. Быть может, лес ей понравится, и тогда его не продадут.

– Значит, не все еще пропало?

– Не все. Но, подумай сама, разве может кому-то понравиться выгоревший, разоренный лес, в котором нет никакого порядка? Из которого даже лешие бегут? – вздохнула ведьма. – Именно поэтому я и позвала тебя на эту должность. Сам лес мне тебя послал. Но если не хочешь, можешь отказаться, я пойму.

– Я не буду отказываться, – успокоила Санька. – Признаться честно, у меня и особого выбора-то нет. Я в другом мире, путь домой закрыт, а тут и крыша над головой, и еда, и какая-никакая защита. Я подпишу договор, Яра. Хорошо, что ты рассказала мне правду обо всем.

– Ну что ж, тогда приступим. – Ведьма поднялась с крыльца, взмахнула рукой, и к ней прямо по воздуху подплыл свиток, развернулся сам собой. – Читай.

Легким пассом руки Яра направила развернутую лентой бумагу к Саньке. Договор завис перед ее носом. Буквы верхней строки подсветились по очереди, как в караоке: «Договор сей меж работницей Александрой Александровной Залесской и Министерством всея лесов королевства великого Либрии заключен будет...». Санька с трудом продралась сквозь переплетения витиеватых фраз. Перечитала два раза, пытаясь отыскать сомнительные моменты. И они нашлись. Ей нельзя будет покидать страну без соответствующего разрешения от министерства, а еще у нее не будет отпуска. Напугали! Саньке уже приходилось работать без отпуска и прежде, только в договоре этого никто с особой искренностью не прописывал...

Месячное жалование – четыре золотых.

– Четыре золотых – это много по вашим меркам? – поинтересовалась Санька, не имея представлений о курсе местной валюты.

– Нормально, – сообщила Яра. – Хватит на достойную жизнь и еще останется. Прикоснись к гербу внизу, если согласна.

Санька дотронулась до круглого символа. Вот ирония – на Либрийском гербе красовалось усеянное звездами древо, под которым гарцевали на задних лапах единорог и волк. На вершине древа сидела, раскинув крылья, девоптица.

Там, где пальцы коснулись картинки, подсветились и погасли расплывчатые яркие пятна.

– Так? – Санька вернула ведьме договор.

– Да. – Яра сделала пасс рукой, и договор раздвоился. Возникла полупрозрачная призрачная копия, набрала цвет и плотность, упала в подставленные Санькины ладони. – Возьми, сложи ввосьмеро и погрузи в зеленый камень на знаке отличия. У нас с тобой будет связь. Сможешь звать меня, если нужно, разговаривать со мной. Для этого используй дополнительно свой посох. Камень в броши и в лешачьем посохе связаны между собой. Кстати, те камни, что ты показала. Сейчас они в цене. Они ведь волшебные.

– И что они делают?

– Магию усиливают. Кстати, про магию. – Яра указала на Листвянин посох. – Ты уж пробовала колдовать?

– Ну, как колдовать... – смутилась Санька. – Колдовать-то меня никто не учил. Я просто направила посох на дрова, и огонь загорелся. Как-то само получилось... Интуитивно...

– Все правильно ты сделала, – неожиданно похвалила ее ведьма. – Магические посохи подобного типа могут сами предугадывать необходимое действие и преобразовывать силу колдующего в нужном направлении. Это последнее достижение современных магических разработок. В быту оно просто незаменимо. Когда приходится выполнять много рутинных однообразных действий, утомительно каждый раз читать заклинания или творить руками пассы. Преобразующие магпредметы запоминают эти самые повторяющиеся действия и потом выполняют их в прямом смысле по легкому мановению мысли. Листвянин посох тысячи раз помогал ей разжигать печь, поэтому он просто взял немного твоей силы и самостоятельно потратил ее на создание огня.

– А сколько у меня этой силы? – спросила Санька, задумавшись. – И откуда она у меня взялась?

– Сколько – пока не знаю. Но при тратах она восполняется, ты не переживай. Взялась она у тебя от родни, конечно же, – уверенно заявила Яра. – От ближайшей.

– Насколько ближайшей? – недоверчиво прищурилась Санька.

– Самой ближней. От родителей.

Родителей?! Мысленному взору тут же предстало вечно недовольное лицо отца. Ох, вот уж в ком точно ни капли магии. А мама...

Про маму она знала крайне мало. Отец не говорил – табу. Только то, что она пропала, когда Санька была совсем маленькой. Родни с ее стороны тоже не осталось.

В общем, чудом больше, чудом меньше – пора бы уже привыкнуть.

– Наверное, это от мамы.

– Наверное, – согласилась ведьма. – Магия обычно по женской линии передается. А у вас там, похоже, порталы к нам открываются периодически... Кстати, что за мир у тебя был? Хороший?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.